18+

Freedom. Проза Софи Анри. Миры магии и любви

Софи Анри

Игры королей. Судьбы Ардена

«Эксмо»
2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Анри С.

Игры королей. Судьбы Ардена / С. Анри — «Эксмо», 2026 — (Freedom. Проза Софи Анри. Миры магии и любви)

ISBN 978-5-04-257265-4

Две судьбы, две эпохи, одна корона. Принц, которого все считают мертвым, и тайна, за которую он готов заплатить жизнью. Тристан Вейланд привык играть чужими судьбами, но встреча с Адалиной Ришель ставит под удар его собственную игру. Помогая наследнице знатного рода сбежать от ненавистного брака, Тристан и не подозревает, что не просто спасает девушку, а с головой окунается в водоворот королевских заговоров, и эта авантюра грозит обернуться серьезным испытанием. Принцесса, которая разрывается между долгом и любовью, и чувство, которое предопределено судьбой. Роксана Корвин вынуждена выбирать между загадочным князем Севера и другом детства, Изану Наари. От выбора девушки зависит хрупкий мир, ведь в крови юноши кипит опасная магия, способная разрушить все.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-257265-4

© Анри С., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Изгнанник Ардена 7
Глава 1 8
Глава 2 13
Глава 3 16
Глава 4 26
Глава 5 31
Глава 6 39
Глава 7 44
Глава 8 48
Глава 9 51
Глава 10 55
Глава 11 62
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Софи Анри
Игры королей. Судьбы Ардена

Художественное оформление *Игоря Пинчука*
Оформление суперобложки *Selcha Uni*
Иллюстрация на переплете *Mile Vvvv*
Иллюстрации *ITA GOTDARK*
Иллюстрация семейного древа *Марии Самариной*
Иллюстрация рамки *KOSH*

© Софи Анри, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Изгнанник Ардена

Посвящается моей любимой сестре Заре

Глава 1

За окном занимался рассвет, и редкие солнечные лучи медленно скользили по крышам, мокрым после вечернего ливня. В июне погода в Ардене всегда была дождливой, в то время как Фортис изнывал от летнего зноя.

Он скучал по Ардену, скучал по Фортису, по родным, которые считали его мертвым.

Лишь один человек из его семьи, не считая Кристин, знал о том, что Порочный принц Тристан Вейланд не умер. И именно этого человека он ждал в переполненном всяким сбродом трактире, расположенном в порте Аэрана.

В комнатушке, в которую он заселился, стены были хлипкие и никак не заглушали скрип кровати и до противного высокие стоны парочки, резвившейся всю ночь напролет. Тристан сидел на подоконнике, чинно попивая травяной отвар – вино в трактире подавали отвратное, – и старался не прислушиваться к постыдным звукам. Но его терпение лопнуло после очередного женского вопля, из-за которого он вздрогнул и чуть не пролил горячую жидкость себе на сюртук.

– Да ты там свинью режешь, что ли?! – не сдержал он раздраженного крика, а потом с громким стуком поставил неказистую глиняную кружку на подоконник.

– Жизнь скитальца явно не пошла тебе на пользу, вон какой нервный стал.

За женскими визгами, явно притворными, Тристан не услышал, как дверь в его комнату отворилась и на пороге возникла долговязая фигура в черном плаще.

– Я целую неделю не пил вина. Еще бы мне не быть нервным, – возмутился Тристан.

– Я принес твое любимое, ардейнийское сорокалетней выдержки. – Говоривший откинул капюшон и одарил Тристана сдержанной улыбкой. – Здравствуй, брат.

Тристан встал с подоконника, но не успел сделать и пары шагов, как гость в мгновение ока пересек комнату и сгреб его в крепкие объятия, грозя сломать парочку ребер.

– Слушай, твоя новая привычка лезть ко мне обниматься совсем не радует. Умерь пыл, я еще не успел соскучиться, – проворчал Тристан, но Рэндалл лишь широко улыбнулся.

– Рад видеть тебя в здравии, но место встречи ты выбрал… – Рэндалл скривил лицо и красноречиво выгнул бровь, когда за стеной раздался очередной пронзительный визг. – Довольно сомнительное.

Закончив фразу, Рэндалл подошел к подоконнику, с любопытством покрутил глиняную кружку в руке, а потом принюхался.

– Отвар из ромашки? – с недоверием спросил он и сделал глоток.

– Вылей эту дрянь и налей мне обещанного ардейнийского вина, пока я кого-нибудь не убил. – Тристан приблизился к брату и пнул его по сапогу, призывая подвинуться.

Достав из-под плаща кинжал, Рэндалл откупорил принесенную бутылку и наполнил кружку до краев.

– Как ты? – спросил он, протягивая Тристану вино.

Тристан не ответил. Вместо этого втянул тонкий виноградный аромат с пряными нотками и сделал неспешный глоток. Приятное тепло стремительно разлилось в груди, а на губах сама собой растянулась ленивая улыбка.

– Теперь гораздо лучше. Как проходит подготовка к коронации? До меня дошли слухи, что ты решил официально короновать Аврору. Чопорные дедули из Совета небось истощили запас нюхательных солей от этой новости.

Рэндалл хмыкнул и прислонился затылком к оконной раме.

– Я вернул Ардену независимость без войн и кровопролития. Такой маленький нюанс, как первая в истории правящая королева, они переживут.

– За Аврору! – Тристан приподнял кружку и сделал несколько глотков. – Как она поживает?

– Злится, что не взял ее с собой. Но я ни за что бы не привел жену в такую дыру.

Будто в подтверждение слов Рэндалла, под окном раздалась отборная ругань. Постояльцы трактира устроили пьяную драку, и вокруг собралась толпа зевак. За те несколько часов, что Тристан находится здесь, это была уже пятая потасовка.

– Ты пришел без охраны? – спросил Тристан, закрывая оконные ставни, чтобы приглушить звуки с улицы.

– Закария ждет внизу. – Рэндалл поправил перстень с гербом Корвинов на пальце. – Ты надолго в Ардене? И что привело тебя сюда?

Тристан мог бы бросить очередную шутку, что соскучился по местному вину и женщинам, но у него не хватало времени на задушевные беседы с братом. Прежде чем отплыть на корабле в Западное королевство, он должен был посетить еще одно место.

– Сегодня в обед отбываю, но привело меня важное дело. Мне нужна твоя помощь.

Рэндалл выпрямился и тут же принял сосредоточенный вид. Тристан отставил полупустую кружку и подошел к прикроватной тумбочке, в которой спрятал бархатный мешочек с небольшим стеклянным пузырьком и обрезом свечи.

– Здесь вино и свеча, которыми меня пытались отравить. – Он протянул мешочек брату. – Сможешь передать это через Холланда на Восток? У тебя хорошие отношения с королем Эласом, а у него на службе лучшие алхимики из Ордена Теней. Вероятно, они смогут распознать состав яда.

Рэндалл взял мешочек и спрятал его во внутреннем кармане плаща.

– Разве у тебя самого нет знакомых травников и изготовителей яда? Ты же глава шпионской гильдии.

Тристан нахмурился, вспоминая недавний разговор с Тибальдом, лучшим специалистом по ядам во всем королевстве.

– В том-то и беда, Рэндалл, никто не может распознать ингредиенты. Ни в свече, ни в вине. Если кто и в состоянии мне помочь, то только служители Ордена Теней.

– Хорошо, я передам Холланду. – Рэндалл поерзал на подоконнике, устраиваясь поудобнее, как будто вовсе не собирался уходить. – Так куда ты собрался?

– В Аталас.

– Зачем тебе в Аталас? Там сейчас опасно. Стефан лишился главного союзника, траур по королю Таннату подошел к концу, но коронацию перенесли. Поговаривают, в городе начались беспорядки.

Тристан знал обо всем этом, поскольку пристально следил за событиями в западной столице.

– Есть одно незаконченное дело. Меня там ждут.

Он схватил кружку и допил вино, но уже без былого энтузиазма. Оранжевый диск солнца полностью показался из-за горизонта, приближая час отплытия корабля. На сердце Тристана бетонной плитой опустилась тоска от предстоящей встречи и нежелания так скоро прощаться с братом.

– Тебе пора, Рэндалл, – сказал Тристан небрежным тоном. – Я всю ночь не спал, хочу вздремнуть хотя бы часок до отплытия.

Рэндалл поднялся с подоконника и вплотную подошел к нему.

– Когда ты вернешься?

– Надеюсь пробыть в Аталасе не дольше месяца. Ненавижу их вино. Мерзкая кислятина.

– Ты понял, о чем я.

Тристан покачал головой.

– Рэндалл, я все еще не знаю, кто пытался меня убить. Пока не выясню, объявлять о чудесном «воскрешении» опасно.

– Ты понял, о чем я, – с нажимом повторил Рэндалл. – Ты должен вернуться, Трис.

Тристан прекрасно понимал, что имеет в виду младший брат, но до сих пор сомневался, а стоит ли?

– Я никому ничего не должен, – тихо, но твердо ответил он и кивнул в сторону двери. – Тебе пора.

Несколько мгновений Рэндалл не двигался с места, как будто хотел поспорить с ним, но не знал, какие аргументы привести. Потом сдался, вздохнул и протянул руку.

– Мы будем ждать тебя, Трис, возвращайся скорее.

Одной рукой Тристан обхватил предплечье брата, а другой притянул его к себе и крепко обнял.

– Береги себя и маленькую княжну, – произнес он, проигнорировав последнее замечание.

У двери Рэндалл обернулся, словно хотел добавить что-то еще, но так и не решился. После его ухода Тристан испытал смесь облегчения и разочарования. Вернется ли он в жизни родных и знакомых? Тристан не мог дать ответа ни брату, ни даже самому себе. Он чувствовал себя потерянным и не знал, как отыскать обратный путь.

* * *

Ночью небо сотрясалось от летней грозы, из-за непрерывного ливня по улицам разливались реки, но уже к обеду июньский зной иссушил даже самые глубокие лужи. Лоб Тристана покрылся испариной, пока он поднимался на холм, возвышавшийся над скалистым берегом позади Вайтхолла. Миновав вересковое поле, он открыл калитку из кованого железа и направился вглубь кладбища, которое встретило его оглушительным безмолвием. Когда из-за череды могил показалось белокаменное надгробие, Тристан замедлил шаг, а его сердцебиение, наоборот, ускорилось. Хрупкие стебли, зажатые в кулаке, хрустнули, и по пальцам потек цветочный сок. Тристан был здесь совсем недавно, на похоронах Уилла, но даже не заметил изменений возле могилы Анны. А сейчас, увидев их, лишь горько усмехнулся.

– Я снова опоздал, – охрипшим от волнения голосом произнес он и, немного помешкав, все же положил возле надгробия букет ландышей, которыми была усажена территория возле могилы. Сорванные цветы, которые он принес, на фоне живых выглядели блеклыми и неказистыми, и Тристан с трудом поборол желание схватить их и выбросить за ограду кладбища.

Он опустился на траву и посмотрел на высеченные на камне строки.

«Своим светом и теплом ты затмевала само солнце».

И пусть при жизни он не раз говорил ей эти слова, сейчас написал бы другие.

– Без тебя весь свет утратил смысл, – прошептал он, глядя на холодный мрамор.

Тристан не знал, зачем пришел. Он не ощущал здесь связи с Анной, не испытывал облегчения или, наоборот, боли и скорби. Его душу разъедала одна лишь пустота. Она ширилась день за днем, превращаясь в огромную пропасть, в которую он падал, падал и падал, ожидая, когда же наконец достигнет дна.

Тристан сидел так, уставившись невидящим взглядом на могилу возлюбленной, казалось, часы, пока за спиной не раздалась тихая размеренная поступь.

– Я знала, что ты заглянешь сюда.

Тристан слабо улыбнулся, но даже не повернул головы, когда Аврора опустилась на траву рядом с ним.

– Я знал, что ты не послушаешь Рэндалла и найдешь способ сбежать из замка без охраны.

Боковым зрением он заметил, как Аврора улыбнулась.

– Я приказала стражникам остаться у ограды. Не хочу, чтобы кто-то тебя увидел и узнал по моей вине. – Она беззастенчиво погладила его по голове. – Хотя вряд ли кто узнает тебя с короткими волосами.

Уголки губ Тристана слегка приподнялись. Когда Аврора обхватила его локоть и положила голову ему на плечо, он прижался щекой к ее макушке, вдыхая успокаивающий аромат хвои и мяты.

– Вчера состоялся светский прием. Рэндалл пригласил на ужин семьи советников. – Она говорила тихо, но так буднично, словно они с Тристаном сидели за чашечкой чая на летней веранде, а не перед могилой близкого им человека. – Леди Освальд надела дурацкую шляпку с павлиньими перьями, и во время трапезы одно из них угодило прямо в супницу, а она даже не заметила. Единый, ты не представляешь, каких мне стоило усилий не засмеяться в голос. Даже Рэндалл с трудом сдерживался и делал вид, что у него першит в горле.

Несколько мгновений Тристан сохранял безразличное выражение лица, но его губы предательски дрогнули, и тишину кладбища нарушил громкий и такой неуместный смешок.

– Я все прикидывала в уме, какие блистательные шуточки ты бы придумал на этот счет. – Аврора слегка отстранилась и коснулась пальцами его подбородка, вынуждая повернуться к ней. – Я так соскучилась по тебе, Трис. – В ее огромных синих глазах перемешались искренняя радость и тоска.

– Я тоже, маленькая княжна.

Аврора порывисто обняла его за плечи, и Тристан, крепче прижав ее к себе, поцеловал в макушку.

Во мраке пустоты появился крошечный огонек света. В груди потеплело, а в крепких, по-сестрински нежных объятиях Тристан почувствовал умиротворение и покой.

– Рэндалл сказал, ты отправляешься на Запад, – сказала Аврора, снова положив голову ему на плечо и сжав его ладонь.

– Да, есть одно незаконченное дело. Я обещал кое-кому помочь.

– Кому-то важному или полезному? – В ее голосе послышались заговорщические нотки, и Тристан шутливо дернул Аврору за короткую прядь волос.

– Ни то, ни другое, – откровенно слукавил он. – Мы заключили сделку. Она свою часть выполнила, теперь моя очередь.

– Она?

– Да. Но даже не думай тратить время напрасно. Больше я ничего не скажу. Это знание может быть опасно.

Аврора не стала спорить.

Тристан хотел посидеть с ней еще немного, но пора было отправляться в порт. Он поднялся с земли и приблизился к могиле Анны. На мгновение им овладел порыв коснуться надгробия, но рука замерла в нескольких сантиметрах от камня. Тристан сжал руку в кулак, не желая чувствовать могильный холод, в вечном плену которого оказалась та, чье имя стало его молитвой и проклятьем. Тогда он впервые за все время повернулся к могиле младшего брата и, увидев рядом с ней Аврору, изумленно замер. Она вырвала голыми руками несколько сорняков, что возвышались над молодой травой, и погладила надгробную плиту из серого мрамора.

Поймав взгляд Тристана, она слабо улыбнулась.

– Уилл искупил свою вину, отдав жизнь за Рэндалла. Каждый заслуживает прощения. Я простила. А ты?

Тристан с трудом проглотил ком в горле и медленно кивнул.

– Я тоже простил.

– Я не про Уилла, Трис. Каждый заслуживает прощения. Прости себя. Сними камень с души.

Вместо ответа Тристан подошел к Авроре и поцеловал ее в лоб.

– Мне пора в порт. Береги себя, маленькая княжна. Хотя мне уже впору звать тебя маленькой королевой.

Аврора коротко улыбнулась и накинула на голову капюшон дорожного плаща, в котором проникла на кладбище под видом простой горожанки.

– И ты тоже береги себя.

Тристан первый покинул кладбище через запасную калитку. Слова Авроры засели у него в голове, но не приносили успокоения. Он не мог избавиться от груза на сердце.

Потому что там была одна пустота.

Глава 2

Каждый год в начале июня в Аталас съезжалось бессчетное количество людей. Жители Западного королевства праздновали наступление любимого времени года, устраивая в честь него фестивали, ярмарки и различные состязания. Проводили религиозные службы, выпрашивая у Единого щедрую на дожди погоду, чтобы собрать богатый урожай. Возможно, Адалина искренне бы полюбила этот праздник, но пока простой люд предавался веселью, знать Аталаса целую неделю не покидала Изумрудный дворец. Вечерами король Запада давал пиры, балы и театральные постановки, которые обычно завершались масштабным балом-маскарадом, где все гости могли на короткое время спрятаться за масками и скрыть настоящие имена. Но Адалина и так всю свою жизнь пряталась за чужой личиной, поэтому праздник воспринимала как очередную издевку судьбы. Каждый год любимый всеми аталасцами период становился для нее пыткой, но сейчас она ждала бал-маскарад, как никогда прежде.

Адалина сидела перед трельяжем и сжимала в руках записку, уголки которой успели измяться. Вот уже несколько дней Адалина носила ее под тканью тугого лифа и вытаскивала при каждом удобном случае, чтобы убедиться, что это не игра воображения. Это ее реальный шанс навсегда покинуть золотую клетку.

Она в сотый раз пробежалась по заученному наизусть тексту:

Восточное крыло дворца, четвертый этаж, пятая комната справа по коридору, где стоит статуя однорукого всадника. Бал-маскарад, полночь.

P. S. Не забудь надеть под платье штаны и тунику. Взять с собой свиту, которая будет нести шлейф твоего наряда, увы, не получится.

Каждый раз, читая последнее предложение, Адалина хмыкала и придумывала колкие ответы для Порочного принца, весть об убийстве которого потрясла весь Великий Материк. Она не верила в правдивость этих слухов – не мог Тристан Вейланд умереть в пьяной драке, получив удар ножом в спину. Она не верила в это даже после того, как прошли его похороны. И вот теперь держала в руках доказательство своей правоты с таким трепетом, словно это не клочок самой дешевой на Западе бумаги, а редчайшее сокровище.

– Леди Адалина, – за спиной раздался голос Изобель, и она быстро спрятала записку в потайном отсеке фарфоровой куколки. – Его Величество желает видеть вас в своих покоях сию же минуту.

«Чтоб ему пусто было», – мысленно выругалась Адалина.

Она посмотрела на свое отражение в зеркале и брезгливо поморщилась. Лицо покрывал слой белил и румян, губы были выкрашены в ядовито-алый цвет, глаза подведены толстым слоем сурьмы, а голова чесалась из-за уродливого парика. Ей исполнилось всего пятнадцать, когда мать начала наряжать ее как дешевую деву из дома удовольствий, и Адалина не смела ей перечить. «Если хочешь выжить, носи маски», – говорила мать, и этому совету Адалина следовала беспрекословно.

Капнув на кожу благовоние, которое ненавидел Стефан, она расправила пышную юбку и направилась к двери. Прогулка в пасть дракона, легендами о котором ее в детстве пугала старшая сестра, казалась куда приятнее, чем поход в комнаты новоиспеченного короля. Особенно сейчас, когда его самый близкий друг, кронпринц Артур, умер в темнице; в городе продолжались беспорядки, несмотря на празднества; а коронацию перенесли на неопределенный срок. Стефан был злее любого голодного бездомного пса и бросался на всех без разбора. Но особое удовлетворение ему доставляло издеваться над Адалиной.

У двери уже ждали стражники, или, как любила выражаться про себя Адалина, надзиратели, которые сопроводили ее к покоям Стефана. Она набрала в легкие побольше воздуха, зная, что у нее вот-вот разболится голова из-за свечей с приторным запахом лаванды.

– Приветствую вас, Ваше Величество. – Она склонилась в реверансе, не забыв при этом натянуть самую сладкую улыбку.

Стефан сидел за рабочим столом, повернувшись боком, и не удостоил ее даже коротким взглядом. Он был в ночных штанах из шелка, а на плечи накинул халат, расшитый серебристыми нитями и жемчугом. Волосы его растрепались, как будто он только что вылез из постели.

– Раздевайся и ложись, – сухо приказал он, и Адалина начала развязывать пояс на платье. Ее пальцы не дрожали, дыхание не прерывалось ни на мгновение, а сердце билось размеренно. Она уже привыкла к посещениям королевских покоев.

Раздевшись до сорочки, Адалина не стала расшнуровывать корсет и забралась на кровать со смятыми темно-зелеными простынями. Стефан вытащил из вороха писем новый свиток и принялся лениво изучать его. В тусклом свете настольной лампы его щеки казались более впалыми, что прибавляло ему несколько лет.

– Стони, – раздался новый приказ.

Адалина прикрыла веки, представляя море, которое всегда мечтала увидеть вживую.

«Скоро эти унижения закончатся», – напомнила она себе и издала протяжный, полный сладострастия стон. Она могла бы вообразить, что ее тело ласкают умелые руки с длинными пальцами, бархатную кожу осыпают поцелуями чувственные губы, а обнаженное тело прожигает пылкий взгляд красивых глаз, но Адалина ни за что бы не позволила ублюдочному королю увидеть ее слабости. Она продолжала стонать снова и снова, не испытывая ничего, кроме бесконечной усталости.

– Ты лежишь в постели короля, пустоголовая курица, – раздраженно рыкнул Стефан. – Стони громче, или заставлю поработать ртом.

Адалина застонала еще громче, мечтая однажды услышать предсмертные стоны Стефана.

Этот смехотворный спектакль для гостей Изумрудного дворца, которые съехались на ежегодное празднество, продлился почти полчаса. Адалина издала последний стон, переходящий в крик, и медленно поднялась с кровати. Она неотрывно наблюдала за Стефаном, который успел закурить табачную трубку, пока она имитировала звуки страстного соития. Широкий лоб пересекала глубокая морщина, что свидетельствовала о его задумчивости. Он крутил в пальцах перо, даже не замечая, что пачкает чернилами исписанный свиток.

– Ваше Величество, я могу идти? – спросила Адалина, одевшись. Она сознательно завязала пояс небрежно, сдвинула парик набок и размазала краску на губах, словно ее целовали пылко и жадно.

– Да.

Полный облегчения вздох Адалина скрыла за громким шуршанием пышного платья.

Она уже собиралась выйти за дверь, как Стефан снова окликнул ее.

– Стой, повернись.

Адалина сжала пальцами ткань платья, чтобы скрыть легкую дрожь, и обернулась. Стефан отложил письма и посмотрел прямо на нее. Он не был красавцем, но многие женщины находили его привлекательным.

– Подойди ко мне.

Она стиснула челюсть до зубовного скрежета и с опаской дикой кошки приблизилась к нему.

Стефан неодобрительно цокнул.

– Для той, кто провела ночь с самим королем, ты слишком бледна.

– Это все из-за белил, Ваше Величество, – промолвила она, молясь Единому, чтобы этот мерзавец оставил ее в покое.

– Это легко исправить. Наклонись.

Адалина могла ослушаться его приказа, могла сбежать из королевских покоев или ответить остроумной колкостью, но она лишь покорно наклонилась к своему мучителю и прикрыла веки, приказывая себе не издавать ни звука, когда две хлесткие тяжелые пощечины окрасили ее щеки болезненным румянцем. Стефан сдавил пальцами ее подбородок, но Адалина не смела поднимать на него взгляд, иначе он бы заметил, что ее глаза наполнились слезами от боли. Она ни за что не доставила бы ему такой радости.

– Скажи мне, кто ты.

– Адалина Ришель.

Он сильнее сжал пальцы, грозясь оставить синяки на нежной коже.

– Неверный ответ. Кто ты? – злобно прошипел он прямо ей в губы.

– Грязная подстилка и пустоголовая потаскуха, Ваше Величество, – отсчитав три удара сердца, покорно ответила Адалина. Она несколько раз моргнула, чтобы прогнать непрошеные слезы, и посмотрела ублюдку прямо в глаза.

Стефан хищно улыбнулся.

– Никогда не забывай об этом, а теперь убирайся. От тебя разит блудом.

Адалина с трудом нашла в себе силы сделать достойный реверанс, а потом устремилась прочь из ненавистной опочивальни. В коридоре ее уже ждала Изобель. Она протянула ей пузырек с нюхательными солями, стараясь действовать незаметно от стражи, следовавшей за ними безмолвной тенью. Адалина откупорила крышку и вдохнула резкий, но не приторный запах, который помог ей справиться с подступившей тошнотой.

Она не заплачет из-за этого ублюдка. Никогда не покажет ему своей слабости, как делал он сам.

Стефан бесился, как обезумевший зверь, из-за рушащихся планов. Он хотел господствовать на всем Материке вместе со своим лучшим другом принцем Артуром, но тот был мертв, а все его злодеяния – разоблачены. Стефан мечтал стать самым влиятельным королем Запада, но из-за дружбы с южным принцем-бунтарем многие лорды отвернулись от него. Он хотел провести коронацию как можно раньше, но и тут судьба не благоволила к нему. Священный ритуал невозможно было провести без главной реликвии Запада – символа непоколебимой и справедливой власти рода Адесто. Таковым считалось кольцо с камнем «Сердце Запада». Огромным рубином, кроваво-алые грани которого пересекали перламутровые прожилки и переливались синим и фиолетовым, словно вены и артерии на сердце. Этот камень был единственным в своем роде, и ни одному ювелиру за всю историю Материка не удалось создать нечто хотя бы отдаленно похожее на «Сердце Запада».

В других королевствах будущему правителю на коронации водружали на голову корону. На Западе же сотни лет существовал священный ритуал, во время которого десять самых знатных семей королевства – ближайшие соратники государя – пускали кровь в знак верности. В кровь эту и опускали перстень, а потом надевали его на палец новоиспеченного короля.

Коронацию Стефана Адесто перенесли на неопределенный срок, потому что после смерти короля Танната обнаружили пропажу.

«Сердце Запада» было украдено.

Ни простой народ, ни знать никогда не примет правителем того, кто не прошел священный ритуал. И теперь каждый раз, когда Стефан срывал гнев на Адалине, она злорадствовала и молилась Единому, чтобы это стало для Стефана началом конца. Такого же позорного, как и у его закадычного друга кронпринца Артура, который тоже так и не смог стать королем.

Глава 3

Бал-маскарад был в самом разгаре. Гости во дворце ели, танцевали, веселились и распивали вино в таком количестве, что к ночи многие из присутствующих не узнали бы друг друга даже без маскарадных масок. Для создания атмосферы таинственности в зале зажгли свечи только на одной большой люстре в самом центре потолка, а на высоких столах акробаты жонглировали факелами. Каждый раз, когда факелы взмывали в воздух, их яркое пламя подсвечивало в полумраке лица в масках, которые Адалина пыталась узнать. Она уже раскусила, что мужчину в большой остроконечной шляпе с длинными перьями и в маске, с одной стороны прикрывающей лицо полностью, а с другой лишь наполовину, звали Клаудий Моро, и он был одним из ближайших советников Стефана. Женщина в костюме танцовщицы с ажурной сеткой на лице – это жена министра по делам торговли, а мужчина в костюме скомороха – городской казначей.

Сама же Адалина облачилась в наряд ночной демонессы. Согласно легендам, они считались прекраснейшими и ужаснейшими созданиями одновременно. Их кожа была белее снега, губы – краснее крови, а глаза мерцали рубиновым светом. Сердца у них не бились, а кровь в жилах застыла подобно лаве в жерле потухшего вулкана. Демонессы как огня боялись дневного света и выбирались на охоту только после заката, оттого их и прозвали ночными. Они соблазняли мужчин своей неземной красотой, а потом выпивали кровь до последней капли, иссушая тела и забирая себе чужие годы жизни.

Адалина выбрала этот образ неслучайно. Легенды также гласили, что ночные демонессы прятали нагие тела под широкими балахонами, а лица скрывали капюшоном, являя их только своим жертвам. Вот и Адалина скрыла под длинным бесформенным одеянием удобные штаны и тунику. И чтобы выглядеть привлекательно (все-таки она была фавориткой короля и не могла явиться на праздник в чем попало), Адалина повязала поверх широкий пояс, расшитый рубинами и жемчугом. Сегодня она позволила себе не надевать дурацкий парик, поэтому приколола капюшон к волосам, которые густыми локонами лежали на груди, а выкрашенное белилами лицо частично спрятала за черной ажурной маской. Краской для губ она нарисовала на подбородке струйки крови, будто совсем недавно полакомилась кровью очередного красавца, павшего под ее чарами.

Мужчины не сводили с нее глаз, но Адалина почти не танцевала и ни с кем не разговаривала, лишь кидала томные взгляды, придерживаясь образа смертоносной обольстительницы. На самом же деле она чувствовала себя одинокой в переполненной зале и вспоминала времена, когда жила в Изумрудном дворце будучи еще девчонкой. Уже тогда она догадывалась, что ее семья хранит много тайн, что родители не любят друг друга и только играют роли преданных супругов, что сестра несчастна в браке, а младший брат мечтает сбежать на Вольные острова в поисках приключений. Но в те годы ее близкие были рядом. Теперь же Адалина осталась совершенно одна – в клетке с монстром похуже ночных демонесс.

Близилась полночь, а гости и не думали прерывать веселье. Слуги едва успевали заполнять столы, расставленные вдоль стены, новыми яствами и напитками. Музыканты неустанно терзали струны инструментов, а присутствующие в зале отдались на волю музыке, словно околдованные и готовые танцевать, пока не свалятся с ног.

Помимо переживаний о предстоящем побеге, Адалина всеми силами старалась не попадаться на глаза Стефану. И она так увлеклась попытками избегать его, что не сразу обратила внимание на то, что один мужчина пристально следит за каждым ее шагом, в какой бы части залы она ни оказалась. Но когда Адалина заметила его, было уже поздно.

Он направился прямо к ней. Его темные волосы едва прикрывали уши, в которых сверкали кольца, а на голове красовалась бордовая повязка с брошью в виде человеческого черепа.

Такого же цвета кушак подпоясывал черные шаровары, заправленные в высокие кожаные сапоги. Поверх белоснежной рубашки с распущенной шнуровкой был небрежно накинут кожаный жилет, из-под которого торчали закрепленные на кушаке кинжалы, очевидно бутафорские, потому что на бал не пропускали с оружием. Мужчина был молод, не старше тридцати, и очень хорош собой. Один его глаз скрывала повязка, а второй – черный, как сама ночь, и густо подкрашенный сурьмой – прожигал Адалину хитрым взглядом.

Она сразу узнала его. Узнала бы даже с маской на все лицо.

К ней приближался Тристан Вейланд.

– Прелестная демонесса, я готов быть испитым вами до последней капли крови ради одного танца.

Плутовская улыбка заиграла на его губах. Он склонился, протянув ей руку с изящными длинными пальцами пианиста, и Адалине ничего не оставалось, кроме как принять предложение.

Как только их затянуло в вихрь танца, она прошипела ему в самое ухо:

– Что ты здесь делаешь?

– Развлекаюсь, прелестная демонесса.

– Ты в своем уме? А если тебя кто-то узнает?

Тристан немного отстранился и громко прищелкнул языком.

– Во-первых, все в этой зале настолько пьяны, что даже родителей своих не признают. А во-вторых, как сказал один мудрец, жизнь скучна без риска.

Он обхватил Адалину за талию, а потом поднял и закружил ее, выполняя один из элементов танца. Она чувствовала нарастающее раздражение, помноженное на тревогу. Стоило ей почувствовать под ногами каменный пол, как Адалина снова налетела с претензиями на якобы покойного принца:

– Если и дальше продолжишь так рисковать, то твоя жизнь окажется слишком короткой, и вскоре мы посетим твои настоящие похороны, Тристан.

В ответ на тираду он прижал ее к себе слишком тесно для танца, и она ощутила вибрацию в груди от его тихого смеха.

– Зови меня Кристианом, хотя бы на людях. И неужели я слышу страх в твоем голосе? Волнуешься за меня?

– Конечно. Но только до тех пор, пока ты не выполнишь свою часть уговора. Потом я тебя сама придушу за то, что заставил меня волноваться.

Тристан снова расхохотался, словно и впрямь пришел на бал только ради развлечения и вовсе не боялся того, что его разоблачат.

Они прошли первый круг танца и уже должны были поменяться партнерами с соседними парами, как вдруг Тристан споткнулся о длинный балахон Адалины и, пританцовывая, увел ее в сторону. Она сразу раскусила его замысел.

Оказавшись вдали от света ламп и посторонних ушей, он склонился к ее уху и скороговоркой зашептал:

– Планы изменились, иди в указанное место прямо сейчас.

Кожа Адалины покрылась мурашками от подступающей паники.

– Но почему? До полуночи не меньше часа.

– Потому что небо затянулось тучами. Горожане не будут ждать полуночи, чтобы запустить в небо бумажные фонарики. Они сделают это сейчас, пока не начался дождь.

Адалина изумленно уставилась на Тристана, наконец осознав, почему он выбрал для побега именно этот день. Ежегодный летний праздник обычно завершался в полночь традиционным запуском бумажных фонариков на центральной площади. Церемония была столь прекрасна, что не только простые горожане, но даже гости Изумрудного дворца отвлекались от бала и выходили на балконы, чтобы полюбоваться сотнями белых огоньков на ночном небе.

Но как миновать стражу? Адалина надеялась, что он нашел решение и этой проблемы.

– Поторопись. Буду ждать тебя там, – напоследок шепнул Тристан и затерялся в толпе так быстро, словно его вовсе не было в зале.

Адалине пришлось притвориться вусмерть пьяной, чтобы покинуть залу незамеченной. Пошатываясь, она пролила на мужчину в аляповатом костюме вино, потом толкнула женщину в громоздком платье, похожем на канделябр, а та, в свою очередь, сбила с ног прислугу с целым подносом. Бокалы с напитками упали на мраморный пол и разбились на сотни мелких осколков, а вино брызнуло во все стороны, пачкая наряды гостей. Та женщина в платье-канделябре привлекла всеобщее внимание диким визгом, когда один из осколков поранил ее ногу, и Адалина, мысленно поблагодарив ее, прошмыгнула в маленькую дверь за зеленой портьерой, через которую ходили слуги.

Балахон она не снимала до тех пор, пока не добралась до нужного крыла. Здесь было безлюдно, мрачно и сыро, но Адалина не стала рисковать и брать с собой факел, чтобы не привлекать лишнего внимания. Она знала дворец как свои пять пальцев, поэтому уверенно двигалась в темноте, лишь придерживаясь за стену. Ее шаги разносились жутким эхом в звенящей тишине. Ей постоянно хотелось оглянуться, но она упрямо смотрела вперед, туда, где виднелись очертания статуи безрукого всадника.

Раньше в этой части дворца жил покойный король Таннат вместе со своей супругой. После его смерти Стефан не захотел переезжать в королевские покои и предпочел остаться в отведенном для него крыле, потому что там открывался потрясающий вид на город, в то время как окна в кабинете короля выходили прямо на восточную башню. По прошествии траура сюда даже слуги захаживали редко, поэтому, когда Адалина услышала чужие шаги, тихие, но стремительные, она испуганно вздрогнула и обернулась.

– Леди Адалина, что вы здесь делаете?

Страх желчью опалил горло, и она с трудом заставила себя выпрямиться. Перед ней стоял ее стражник Орион. Она была уверена, что не попалась ему на глаза, и теперь лихорадочно соображала, как быть дальше.

– Мне стало плохо от выпитого вина, и я решила проветриться, перед тем как идти смотреть на запуск бумажных фонарей. Я же говорила, и не один раз, что терпеть не могу, когда в вино добавляют гвоздику. Завтра поварам не сносить головы за такую оплошность! – Она скривила рот в гримасе неприязни.

– Небезопасно блуждать одной, когда во дворце столько посторонних, – равнодушно сказал Орион. – Вы ведь знаете, как дороги Его Величеству, я сопровожу вас.

Адалина невольно отступила на шаг.

– Мне не нужна нянька, Орион, я присоединюсь к празднику позже. Ступай. – В давящей тишине ее голос прозвучал звонко, до рези в ушах.

– Тогда я подожду здесь, с вами. Король Стефан велел мне не оставлять вас. Я не смею ослушаться его приказа.

Она понимала, что Орион никуда не уйдет и больше не выпустит ее из виду, поэтому у нее был один-единственный шанс избавиться от него. Адалина медленно растянула губы в хищной улыбке и грациозной походкой приблизилась к нему.

– Орион, – ласково пропела она. – Если ты хотел остаться со мной наедине, мог бы вечером заглянуть в мои покои. Ты ведь знаешь, что я редко ночую у короля.

Во мраке коридора Адалина не увидела, как изменилось выражение лица вечно угрюмого стражника, но отчетливо услышала, как сбилось дыхание, когда она длинными ногтями провела по его шее.

– Что вы делаете, госпожа? Вы, верно, перебрали вина. – Его кадык предательски дрогнул под опаляющими пальцами Адалины.

Она знала, что нравится ему, но никогда раньше не использовала это в своих собственных целях. Орион обязательно бы доложил о ее поведении Стефану, но сейчас ей было плевать. Она должна избавиться от него и немедленно бежать.

– Миледи, вам не стоит… – Орион договорить не успел. С его губ сорвался хриплый вздох, когда Адалина накрыла ладонью его пах, а другой рукой потянулась к кинжалу, который всегда висел у него на поясе. – Миледи! – Он резко отдернул ее руку, но Адалина уже успела выхватить кинжал из ножен. – Что вы делаете?!

Адалина замахнулась, пытаясь ударить его лезвием, но Орион ловко перехватил ее запястье. Паника накрыла ее с головой. Все пропало. Сейчас он отведет ее к Стефану, и ей не избежать наказания – изощренного, болезненного и унизительного. Она попыталась вывернуться и даже укусить его, но все было тщетно.

– Вы немедленно отправитесь в свои…

Орион снова не успел договорить, но в этот раз не из-за ее опрометчивой выходки. Кто-то бесшумно подкрался к нему со спины и прижал ко рту тряпку. Адалина почувствовала приторный аромат и резко прикрыла нос воротом балахона. Орион задергался, пытаясь высвободиться из хватки незнакомца, но вскоре обмяк.

– Так и знал, что без приключений к назначенному месту ты не доберешься, – с недовольством проворчал Тристан, оттаскивая Ориона к стене. – Нам нужно поторопиться, он пробудет без сознания от силы полчаса.

Справившись с оцепенением, Адалина провела дрожащей рукой по лицу и почувствовала, что лоб ее покрыт холодной испариной.

– Что ты с ним сделал?

– Дал понюхать сильное снотворное снадобье.

– Почему не убил?

– Я глава шпионской гильдии, а не убийца. – На последнем слове его голос почему-то дрогнул, но потом он заговорил более грубым тоном: – К таким варварским методам предпочитаю прибегать только в самых крайних случаях.

Тристан прислонил Ориона к стене и засунул платок во внутренний карман. На его лице уже не было повязки, и в темноте Адалине показалось, что его глаза блестят, как у кота.

– Надеюсь, выбирая наряд, ты не следовала истинному образу ночной демонессы. У тебя под балахоном есть что-то, кроме исподнего?

– Я знаю, что вы желаете заглянуть под юбку всем женщинам мира, принц Тристан, но сейчас не лучший момент для этого, – съязвила Адалина, нетерпеливо стирая алую краску с губ и подбородка.

Тристан протянул ей руку, и она схватилась за нее мертвой хваткой. Потом он провел ее мимо статуи с одноруким всадником и вошел в кабинет ныне покойного короля Танната. Мебель покрывала белая ткань, а ценные вещи вынесли на девятый день после похорон. Здесь остались лишь диван у камина, кресло-качалка, в котором так любил сидеть король, перебирая письма и документы, и громоздкий письменный стол.

Поднявшийся ветер разогнал тучи, и на небе показалась луна, озарившая комнату тусклым серебряным светом. Адалина рассмотрела висящий над столом портрет молодого короля Танната. Темно-каштановые волосы крупными локонами обрамляли скуластое лицо. Большие темно-карие глаза короля сверлили ее задумчивым взглядом, от которого становилось не по себе. Художник изобразил Танната с такой точностью, будто тот был живой и вот-вот заговорит с ними. Адалина никогда раньше не видела портрета короля в столь юном возрасте, и ей было непривычно разглядывать знакомое лицо без щетины и густых усов. Картина нуждалась в реставрации: кое-где на холсте виднелись потертости и трещинки. Несколько пятен над губой и на щеке были такими маленькими, что напоминали родинки.

Адалина с трудом отвернулась от портрета, когда Тристан открыл дверь балкона, впуская в кабинет свежий летний ветерок, всколыхнувший белую ткань на письменном столе.

– Как мы выберемся из дворца?

Тристан скинул с себя жилетку, закатал рукава рубашки и ступил на балкон.

– В этом тряпье, – он указал подбородком на ее балахон, – бегать по крышам будет неудобно. Поэтому я сказал тебе надеть штаны.

– По крышам? – изумленно переспросила она.

– Шевелись давай!

Адалина коротко вздохнула и начала распускать пояс. Сняв балахон и ажурную маску с лица, она приблизилась к Тристану и проследила за его взглядом. Она не боялась высоты. Стена в этой части дворца была украшена искусным барельефом в виде виноградных лоз, которые вились до самой крыши.

– Мы полезем на крышу по сточной трубе? – спросила она.

– Да. Здесь это сделать проще всего, а восточная башня скроет нас от лишних глаз. – Тристан прищурился, придирчиво осматривая ее с ног до головы. – Дорогуша, спешу тебя огорчить, но я не намерен устраивать романтическую прогулку под луной. Собери волосы, если не хочешь, чтобы они мешали.

Адалина чуть не взвыла от досады. Об этом она совсем не подумала.

Шпильки, которыми она заколола капюшон, были слишком маленькими, чтобы удержать ее тяжелые густые локоны. Она принялась заплетать косу, лихорадочно соображая, чем перевязать ее, но тут к ней подошел Тристан. Он стянул с головы бордовую повязку и завел руки ей за спину. Адалина почувствовала аромат спелой вишни, которую так сильно любила.

– Я бы и сама справилась, – тихо сказала она, не глядя на него.

– Я справлюсь быстрее. – Он затянул повязку у нее на волосах в прочный узел и подмигнул. – Я лезу первым, ты следом. По крыше мы переберемся к северной части дворца, а оттуда – к соседнему дому, который принадлежит лорду Моро.

Лорд Моро и его супруга присутствовали на балу и даже не подозревали, что в их дом собираются пробраться незваные гости.

– А как же стража? – спросила Адалина нарочито небрежным тоном, пока Тристан уверенно карабкался вверх по трубе.

– Все под контролем. Давай же, за мной. Вставай ногами на те же выступы, что и я.

Адалина уже лазала по трубам. Это умение она продемонстрировала в прошлый раз и самому Тристану. Возможно, именно поэтому он выбрал такой план побега.

– Все слишком просто, – пробормотала она себе под нос, но Тристан ее услышал.

– Маленькая Адалина, на подготовку твоего побега ушел целый месяц. Все *должно* пройти просто и гладко благодаря усилиям моей гильдии. Я устроил все так, что к тому моменту, как мы окажемся на территории Моро, в той части дома не будет никого, кроме подкупленных мною стражников.

Они вскарабкались по стене на удивление быстро. Тристан идеально подобрал место подъема, и Адалина даже не устала, словно взбиралась по невысокой стремянке. Тристан перелез через водосточный желоб на крышу, а потом помог Адалине. Обхватил ее за талию и легко, словно она была пушинкой, поднял ее.

– Умница, – похвалил он ее то ли за быстрый подъем, то ли за то, с какой легкостью она приняла его помощь, крепко обняв за плечи. – А теперь нужно обогнуть крышу по правой стороне, да поживее, уже началась церемония запуска бумажных фонарей.

Словно в подтверждение его слов, со стороны центральной площади ветер донес людской гомон и смех. Адалина обернулась и увидела, что первые огоньки медленно взлетели к серым, почти прозрачным облакам, которые тонкой пеленой обволокли луну и звезды.

Сердце ее отозвалось глухой болью, когда перед глазами яркой вспышкой пронеслось воспоминание. Три года назад она наблюдала за церемонией с крыши поместья Ришель вместе с младшим братом Эмильеном. Отец негодовал, что девушке не пристало лазать по деревьям и крышам, словно воришке, и запрещал Адалине вести себя подобным образом, но брат всегда подначивал ее на новые проказы. Они пробрались на крышу через старый чердак и устроили там настоящий пикник с вином и фруктами. Эмиль рассказывал ей о девушке из города, которой он увлекся, а она звонко хохотала над его неловкими попытками произвести на нее впечатление.

Адалине казалось, что миновала целая жизнь с того лета, когда она еще хранила в своем сердце крупицы счастья и веры в лучшее будущее.

– Адалина, нужно идти, – окликнул ее Тристан, заставив встрепенуться. Он протянул ей руку и вопросительно выгнул бровь.

Адалина бросила последний взгляд на белые огоньки, усеивающие небо, пытаясь прогнать ночной мрак и рассеять тучи, а потом взялась за протянутую ладонь. Тристан задумчиво нахмурился, глядя на нее, словно хотел узнать причину ее замешательства.

– Пойдем, – тихо попросила она.

Он кивнул, и они медленно, но уверенно зашагали по покатой крыше, двигаясь в сторону невысокой башенки, над которой громоздилась статуя горгульи. От нее к крыше соседнего дома был протянут канат с заметным креном. Адалина приблизилась к самому краю и посмотрела вниз. Крыши Изумрудного дворца и дома Моро находились на расстоянии в полсотни метров, не больше. Все дома в центре города теснились друг к другу – так в былые времена жители Аталаса защищались от набегов дикарей, но сейчас аристократы были не в восторге от столь близкого соседства.

Адалина сухо сглотнула. Полсотни метров – ничтожно малое расстояние, если идти пешком. Но лезть по канату на такой высоте было сродни самоубийству.

– Мы полезем по нему? – спросила она с ноткой паники в голосе.

– Я похож на безумца? – вопросом на вопрос ответил Тристан, а потом вытащил из углубления между лапами горгульи странный продолговатый предмет с соединенными металлическими дисками по центру.

– Что это?

Тристан приподнял уголок рта в хитрой ухмылке.

– Специальный бегунок для скольжения по канату. Им пользуются акробаты для выполнения трюков. Канат натянут с небольшим наклоном и специально натерт воском, чтобы мы могли беспрепятственно по нему скользить.

– У тебя только один такой бегунок, верно?

– Верно.

– Значит, мы должны проехаться по канату вдвоем? – недоверчиво и с опаской поинтересовалась Адалина, нервно озираясь по сторонам.

Сколько времени прошло? Очнулся ли Орион? Ищут ли ее? Времени было мало, и поэтому ей оставалось только согласиться на эту безумную авантюру беглого принца.

– Все так, маленькая Адалина.

– Он точно выдержит нас обоих? Мы не сорвемся?

Тристан подошел к канату, перекинул через него бегунок и, схватившись за него обеими руками, приблизился к краю крыши.

– Выдержит. Я проверял, просто доверься мне.

Адалина сделала шаг к нему и в смятении замерла. Тристан мягко улыбнулся.

– Ну же, не робей. Обними меня как можно крепче и закрой глаза. Все закончится быстро.

Она скептически выгнула бровь.

– Ты это всем девушкам говоришь? Сомнительный способ произвести впечатление.

На лице Тристана появилось выражение, не предвещающее ничего хорошего.

– Я бы с удовольствием посостязался с тобой в остротах, дорогуша, но время не ждет. Закрой свой милый ротик и делай, как я сказал.

Адалина осторожно шагнула вперед, и ей вдруг показалось, что черепица под ногами зашуршала громче обычного, будто вот-вот треснет и обвалится с крыши, утянув ее за собой. Тристан терпеливо ждал, но стиснутая челюсть указывала на то, как тяжко ему дается невозмутимое спокойствие. Каждая минута была на счету, и Адалине пришлось довериться ему.

Он один из немногих, кто пока не обманул ее доверия.

Она крепко обняла Тристана за талию.

– Я обещал, что ты выберешься из этого дворца. Закрой глаза.

Его твердый голос вселил в нее спокойствие и уверенность в том, что у них все получится. Адалина зажмурилась, уткнувшись лицом ему в грудь, и в следующий миг ее ноги оторвались от крыши, а внутренности словно подцепили крючком. Глухой свистящий звук рассек воздух и заглушил ропот людских голосов, доносящихся с центральной площади. Адалина держалась за Тристана так крепко, что пальцы онемели от напряжения. Казалось, секунды превратились в бесконечность. Руки вдруг заскользили вниз по мужскому торсу, и ее сердце окутал ледяной страх, что она сейчас сорвется и полетит вниз.

– Держись! – выкрикнул Тристан, прежде чем они с силой врезались в стену.

Адалина застонала, когда ее плечо и всю правую часть тела пронзила нестерпимая боль от удара о камень, но объятий не ослабила. Ее ухо опалило тяжелое дыхание Тристана.

– Под нами балкон. Постарайся сгруппироваться так, чтобы не переломать ноги, и прыгай. Тут расстояние примерно в восемь локтей, – сказал он прерывисто и тихо. Видимо, ему тоже досталось.

Адалина открыла глаза и посмотрела вниз. Под ними и правда находился балкон с невысокой оградой, кованые прутья которой густо обвивали стебли плюща. Она на мгновение задалась вопросом, нет ли кого в комнате, к которой примыкал балкон, но размышлять об этом было не время.

Приземление получилось не очень удачным. Она больно ударилась коленками и разодрала ладони, в то время как Тристан спрыгнул с каната с грацией дикого кота.

– Не сильно ушиблась? – спросил он, протягивая ей ладонь.

– Пустяки, – отмахнулась Адалина и поднялась без его помощи. – Что за комната? Вдруг здесь кто-то есть?

Тристан покачал головой и толкнул дверь, ведущую в пустой просторный холл.

– Раньше здесь была музыкальная комната, а я позаботился о том, чтобы к нашему приходу тут никого не было. Эта часть особняка закрыта на ремонт после пожара. Одна нерадивая служанка уронила свечу на мирeасский ковер, но вместо того, чтобы позвать на помощь, сбежала. – Тристан заговорщически подмигнул ей, и Адалина изумленно покачала головой. Она вспомнила, как две недели назад видела столб дыма, вьющийся над крышей поместья лорда Моро, и как потом сам лорд жаловался Стефану на званом ужине, что от пожара пострадало несколько комнат.

– Пожар подстроил ты? Ради моего побега?

– Да, прелесть моя.

Его голос эхом отдавался от стен, и Адалина запереживала, что их могут услышать, поэтому следующий вопрос задала шепотом:

– Как мы обойдем стражу?

– Переоденемся прислугой.

Стены даже в темноте чернели от копоти и сажи. Тристан прошел в другой конец комнаты, туда, где одиноко стояли ведра и рабочий инвентарь, и вытянул из-под старого табурета с поломанной ножкой холщовую сумку. Он достал из нее небольшой сверток и бросил Адалине.

– Надень поверх одежды, – сказал он, распоясывая бордовый кушак.

– Ты что, будешь раздеваться при мне? – недоуменно спросила она, когда Тристан без капли смущения снял белоснежную рубашку, запихнул ее в сумку и начал расшнуровывать завязки на шароварах.

Услышав ее вопрос, он нахально облизнул нижнюю губу и нагло улыбнулся, обнажая белые ровные зубы.

– Если боишься, что при виде моего голого тела не сможешь совладать с желанием и набросишься на меня, то лучше отвернись, я не обижусь.

Адалина закатила глаза от ребячества этого, казалось бы, взрослого мужчины, а потом отвернулась и натянула свободное платье поверх рубашки.

Переодевшись, Тристан повесил сумку на плечо, взял ее за руку и повел к двери. В коридоре особняка царил полумрак и лишь в самом конце горела настенная лампа. Адалина никогда раньше не бывала в доме лорда Моро, но сейчас у нее не было ни желания, ни возможности осмотреться и изучить барельефы и многочисленные картины на стенах. Да и Тристан шел так быстро, что ей приходилось чуть ли не бежать, чтобы не отставать от него.

Спустившись по витой лестнице, украшенной мраморными колоннами, на первый этаж, они юркнули в маленькую дверь, спрятанную в нише за гобеленом.

– Этим ходом пользуются слуги, – пояснил Тристан, шагая по невзрачному коридору с голыми бетонными стенами. – Он ведет в сад. Оттуда мы выберемся через изгородь наружу. Главное – не попасться стражникам.

– А что, если попадемся?

– Будем действовать по обстоятельствам.

Сад встретил их стрекотом сверчков и уханьем совы, сидящей на высокой ветке цветущей акации. Гомон на центральной площади уже стих, а бумажные фонарики разлетелись по хмурому беззвездному небу, напоминая кувшинки в пруду. Они постепенно угасали, навевая на Адалину тоску.

Чем ближе они подбирались к заветной изгороди, тем сильнее становилась тревога. Не могло все пройти так гладко.

И ее самые большие страхи оправдались.

Они с Тристаном прошли больше половины пути по брусчатой дорожке, по обеим сторонам которой росли аккуратно постриженные бирючинные кусты, когда их обнаружили.

– Эй, кто там? – раздался мужской голос, от звука которого кровь в жилах Адалины сначала застыла, а потом бурным потоком устремилась к бешено колотящемуся сердцу.

Со стороны внутреннего двора к ним направлялся мужчина в боевом облачении. Стражник. Тристан крепко сжал вспотевшую ладонь Адалины, призывая ее к спокойствию.

– Я Карл, новый конюх. Устроился сюда неделю назад, – ответил Тристан уверенным, но с заискивающими нотками голосом.

Адалина готова была сорваться с места и бежать куда глаза глядят, но ноги словно приросли к земле. Сейчас их разоблачат. Стражник наверняка знает всю прислугу в лицо. И почему Тристан так спокоен и не пытается напасть на него?

– А это кто с тобой? Я не видал раньше эту девку.

Тристан почесал затылок, будто ему стало неловко, и смущенно произнес:

– Простите, это… это моя невеста. Она – дочь пекаря и ни разу не бывала в поместьях господ. Я просто хотел показать ей сад. Клянусь, я не заводил ее в дом.

Мужчина вплотную подошел к ним, и Адалина с трудом сглотнула вставший в горле ком. *Им конец.* Он окинул их суровым взглядом и раздраженно прошипел:

– Ты в своем уме, остолоп? Кто тебе позволил приводить сюда посторонних?

– Прошу, помилуйте, сударь. – Тристан склонился в поклоне и потянул Адалину за собой так резко, что она чуть не упала лицом в ноги стражника. – Я готов понести наказание за свою оплошность, только позвольте мне проводить Лолу домой. Она ни в чем не виновата.

Мужчина резко схватил Адалину за подбородок, заставляя выпрямиться.

– Выверни карманы, – приказал он.

Адалина изо всех сил боролась с желанием отвесить ему пощечину или плюнуть в лицо за то, что посмел прикоснуться к ней своими грязными лапами, но Тристан до боли сжал ее руку, призывая повиноваться. Чуть ли не трясясь от гнева и страха быть разоблаченной, Адалина вывернула карманы платья. В них оказались лишь зерна пшеницы да пара простеньких железных шпилек.

– Хотела покормить птичек в саду, – сипло произнесла она, невинно хлопая ресницами, пока стражник пристально осматривал ее волосы, шею и уши.

Адалина мысленно воздала хвалу Единому, что догадалась снять украшения и убрать их в холщовую сумку Тристана. Она украдкой взглянула на его плечо и обнаружила, что сумки на нем уже нет.

Наконец стражник отступил и угрожающим тоном процедил:

– Живо выпроваживай свою девку отсюда и возвращайся. За эту оплошность тебя лишат месячного жалованья, чтоб неповадно было водить всякий сброд в дом хозяина.

Тристан снова склонился, заставив и Адалину последовать его примеру, а потом быстро зашагал теперь уже к главным воротам. Мужчина последовал за ними, очевидно желая проследить, что Тристан в самом деле выпроводит «невесту», но это только облегчило их путь. Другие стражники не останавливали их, и они сумели беспрепятственно покинуть поместье.

– Карл, – крикнул мужчина, прежде чем высокая железная калитка закрылась. – У тебя полчаса. Не вернешься ко времени, тебя вышвырнут отсюда и не выплатят ни монетки.

– Я мигом вернусь, даю слово, – заверил Тристан, поклонившись в последний раз.

Только когда они отошли на достаточное расстояние, чтобы их никто не слышал, Адалина спросила:

– Что это было?

Несколько мгновений Тристан молчал, а потом повернулся к ней и громко рассмеялся, чем совершенно сбил ее с толку.

– Смотри не упади в обморок, моя прелестная демонесса, у меня нет с собой нюхательных солей.

– Что тут смешного? – ощетинилась Адалина. – Нас чуть не поймали! Чудо, что этот тупоголовый стражник поверил в твою байку про нового конюха.

– Это не байка, дорогуша, я в самом деле неделю назад устроился в дом Моро конюхом. – Заметив растерянное выражение ее лица, он снова засмеялся. – А как я, по-твоему, подготовил побег? Я же говорил, что это заняло немало времени и сил. Сейчас мы сядем в карету и покинем центральную часть Аталаса. А там разойдемся, и, надеюсь, в этот раз навсегда.

– Не переживай, мне от тебя больше ничего не нужно, – съязвила Адалина, желая скрыться от пристального взгляда черных глаз, который проникал в самую душу. – Куда ты дел сумку?

– Я услышал шаги и спрятал ее в кустах. Завтра мои люди заберут ее. Пойдем скорее, пока нам опять не помешали.

Как и обещал Тристан, у первого поворота их ждала простенькая карета, предназначенная для обычных горожан. Отъехав от Изумрудного дворца на безопасное расстояние, они остановились у неприметного дома из серого камня. Всю дорогу Тристан молчал, глядя в маленькое окошко, и повернулся к Адалине, только когда кучер остановил лошадь.

– Тебе есть куда идти? – серьезно спросил он.

Адалина тоже не сидела сложа руки в ожидании, когда ее спасут. Верная служанка Изобель подготовила все для ее побега. На протяжении месяца она тайком выносила из дворца драгоценности, чтобы продать их и жить на что-то первое время, а также купила лошадей, чтобы они могли выбраться за пределы Аталаса.

– Да, в ближайшие дни я покину Аталас, пока Стефан не приказал закрыть все городские ворота, чтобы не дать мне сбежать.

– Умно. – Тристан одобрительно кивнул.

– Ну а ты? Куда направишься? И зачем ты инсценировал собственную смерть?

Тристан с усмешкой покачал головой.

– Слишком много вопросов для той, у кого осталось слишком мало времени, чтобы вырваться на свободу. Кучер – один из моих людей. Я распорядился отвезти тебя куда прикажешь. На этом наша сделка завершается.

Тристан протянул руку и провел кончиками пальцев по ее щеке. За эту ночь Адалина переволновалась так сильно, что его нежное прикосновение отозвалось в сердце трепетным теплом, и она замерла, вместо того чтобы отстраниться. Тристан ненадолго задержал пальцы на линии ее челюсти, а потом скользнул вниз по покрывшейся мурашками шее к вырезу платья. Из странного оцепенения Адалина вырвалась только тогда, когда рука этого нахала оказалась под воротом рубашки, поверх которой она натянула платье для прислуги.

– Ты что себе позволяешь? – возмутилась она и шлепнула его по ладони, но Тристан не отстранился. Жар от его касаний лизнул чувствительную кожу между грудей и устремился дальше, под грубую ткань корсета. Дыхание Адалины сбилось, губы пересохли, и она невольно облизнула их, приковав к ним потемневший взгляд принца.

– Так и знал, что ты прячешь его здесь, – хриплым шепотом произнес Тристан, поддев пальцем тонкую цепочку с медальоном, который она берегла последний месяц. – Я выполнил свое обещание, поэтому забираю то, что принадлежит мне.

Тяжелый удар сердца оглушил Адалину, как только он убрал руку с ее груди. Он бережно погладил крышку медальона, на которой были выгравированы ландыши.

– Ты открывала его?

Адалина немного помолчала, чтобы собраться, и ее голос прозвучал ровно:

– Да. Ты же не думал, что я упущу возможность узнать что-то, из чего потом смогу извлечь личную выгоду?

Тристан хмыкнул и кивнул, но открывать крышку не стал. Адалина знала, что там хранится. Высушенный бутон ландыша. Какую ценность он представлял для Порочного принца, она не знала и всеми силами убеждала себя в том, что ей это совершенно не интересно.

– Береги себя, Адалина. Прощай.

Тристан открыл дверцу кареты и не оборачиваясь, ушел.

Адалина смотрела ему вслед через окошко, пока его высокий силуэт не скрылся среди каменных и безликих в своей похожести домов.

Глава 4

На отдаленных от центральной площади улочках Аталаса стояла непривычная тишина. Высокие безликие дома из серого камня встречали мрачным безмолвием, торговые лавки закрылись до самого утра, и даже в тавернах и трактирах было на редкость мало людей. Тристан брел по узкому переулку, и каждый его шаг эхом отскакивал от старой брусчатки и ударялся в стены с крошечными окошками. Днем ходить здесь было небезопасно – в любой миг могли выплеснуть помои прямо тебе на голову, – но сейчас обитатели домов либо спали, либо праздновали в центре города.

Тело Тристана умоляло о мягкой кровати и целительном отдыхе. На протяжении месяца он почти не спал, чтобы подготовить побег Адалины, а последние дни и вовсе был вынужден чистить навоз, притворяясь конюхом в поместье Моро. Все прошло почти идеально, если не считать стражника в безлюдном коридоре. Сегодня дворец был полон гостей, и Стефан не отважится поднимать суматоху, но завтра каждая собака в городе будет искать след Адалины. Если она не глупа, то покинет Аталас в ближайшие дни.

Обычно после успешно выполненного заказа Тристан испытывал удовлетворение и даже триумф, но в этот раз все было иначе. Его не отпускало неясное чувство, будто он что-то не учел, что-то упустил из виду. Нечто очень важное. И это не давало ему покоя.

Добравшись до дома, в котором снял несколько комнат, Тристан обнаружил, что в окнах на втором этаже горит свет. Кристин наверняка ждала его возвращения и не могла уснуть, прислушиваясь к любому шороху, доносящемуся с улицы. Он отворил тяжелую дверь врученным хозяйкой ключом и, придерживаясь за шершавую стену, начал подниматься на второй этаж, где и располагались его комнаты. Старые половицы так жалобно скрипели под его сапогами, что это разбудило бы Кристин, даже если бы она спала.

Он вошел в гостиную, которую озарял приглушенный свет лампы, отражавшийся на отделанных лакированными панелями стенах. Мебель хоть и не отличалась новизной и лоском, но была чистой и удобной, что и стало главным аргументом в выборе жилья на время миссии в Аталасе.

– Как все прошло? – спросила Кристин.

Она сидела за круглым столом у окна и перебирала стопку с записями. Одета она была как горожанка из среднего сословия – в серое платье из недорогого льна, украшенное лишь кожаным ремешком да деревянными бусами. Густые светлые волосы она собрала шпильками в низкий пучок, оставив спереди короткие пряди, которые обрамляли ее не тронутое летним загаром лицо.

– Все хорошо, наша рыбка на свободе.

– Куда она направится?

– Не спрашивал.

Тристан прошел к буфету и взял с полки уже початую бутылку вина.

– Шутишь? Ты отпустил ее просто так? – Голос Кристин звенел от напряжения.

Тристан наполнил бокал до краев и повернулся, прислонившись поясницей к столешнице.

– Я отправил с ней нашего человека, который притворяется кучером. Он будет присматривать за ней какое-то время. К тому же у меня есть связь с ее служанкой Изобель. Она служит гильдии.

Кристин, успевшая разъяренно раздуть ноздри, немного успокоилась.

– Когда покидаем Аталас? Меня уже тошнит от местной еды, неотесанных горожан и вечной суеты, а их дурацкий праздник засел в печенках. Благо хотя бы сегодня все отправились в центр, а то каждый вечер устраивают под окнами балаган, а мне в этом шуме работать.

Кристин бухтела как старая бабка, но Тристан лишь криво усмехнулся. Ее сварливый нрав был для него той неизменной и оттого успокаивающей частью жизни, которая не давала ему окончательно рухнуть в пропасть собственных страхов и тревог.

– Нам придется пожить здесь еще недельку, понаблюдать за событиями. Когда убедимся, что Адалина недосягаема для Стефана, тогда и уедем.

Кристин громко скрежетнула зубами и сжала перо в худых длинных пальцах так, что оно едва не разломилось пополам.

Тристан отпил арденийское вино, которое ему преподнес Рэндалл во время короткого визита в Арден. Мягкий пряный вкус осел на языке и раскрылся медовой сладостью, и Тристан издал блаженный стон. Желание жить словно вынырнуло из пучин отчаянья и беспросветной тоски и растеклось в груди, наполняя его теплом.

– Почему у нас везде горит свет? – спросил Тристан уже более добродушно и сделал новый глоток. – Для жены простого конюха ты слишком расточительна.

Кристин подняла на него недовольный взгляд и демонстративно поправила стопку просмотренных писем.

– А для простого конюха ты подозрительно вкусно пахнешь. Или в поместье Моро прислуге выдают душистое мыло?

– Это мой природный аромат, сестрица. И сегодня я был не конюхом, а загадочным гостем на бале-маскараде в Изумрудном дворце. Впредь тебе стоит быть более внимательной, чтобы не привлекать к нам лишнее внимание.

Кристин устало вздохнула, поднялась с кресла-качалки, прикрытого суконным покрывалом, и, приблизившись к Тристану, налила себе вина.

– У нас гости вообще-то. Поэтому в других комнатах горит свет.

– Гости? – Тристан подобрался и вытянул шею, посмотрев в коридор.

– Мхм… – Кристин сделала медленный глоток, смакуя дивный вкус арденийского вина. – Гостья, если точнее.

– А-а-а, – понимающе протянул Тристан. – Миранда?

– Нет.

– Катарина?

– Нет.

Тристан нахмурился, напрягая память.

– Изаура?

Кристин с трудом подавила смешок и покачала головой, сбив Тристана с толку. У него закончились все варианты.

– А кто тогда? – в недоумении спросил он, с опаской теперь прислушиваясь к звукам за стеной.

Кристин допила вино и поставила бокал на столешницу с громким стуком, словно проводя черту в их игре «угадай-ка».

– Флоренс, дубина.

Тристан раздраженно фыркнул и, расслабившись, припал губами к наполовину опустевшему бокалу.

– А нельзя было сразу сказать? – недовольно проворчал он.

– Мне просто стало любопытно, скольких девиц ты успел оприходовать за время нашего нахождения в Аталасе, – съехидничала Кристин с приторной сладостью в голосе. – Всего три? Или ты теряешь хватку, братец, или стареешь.

– Стерва, – беззлобно бросил Тристан и уже направился к своей комнате, как вдруг дверной проем загородила высокая фигура.

– Леди Кристин ошиблась, точнее будет сказать «гости», – ровным тоном произнес мужчина. – Рад видеть вас в здравии, господин. – Он склонил голову в приветственном поклоне,

и его белоснежные волосы с единственной темно-каштановой прядью на челке сверкнули в свете лампы.

Изекиль был одним из приближенных членов гильдии Тристана. Безродному мальчику из бедной деревушки земель Санривера посчастливилось попасть на воспитание к богатой знатной вдове, у которой не было ни детей, ни близких родственников. Однако, зная, как именно осиротел Изекиль, Тристан едва ли мог назвать это счастливым стечением обстоятельств. Пережитый в детстве ужас отпечатался на голове мальчишки кипенно-белой сединой.

Кристин смерила Изекиля презрительным взглядом.

– Я тараканов на кухне с большим удовольствием назову своими гостями, нежели тебя, седовласка. – Она гордой походкой вернулась к столу и притворилась, будто нашла в записях что-то невероятно увлекательное.

Тристан закатил глаза. Эти двое никогда не ладили.

Изекиль, едва ли умещавшийся в дверной проем из-за своего высокого роста, сохранил на лице безмятежное спокойствие.

– Вам подать бокал, леди Кристин? – учтиво спросил он.

– Зачем? Видимо, ты ослеп за время бесполезных странствий по континенту. Я уже допила вино.

Кристин полезла в ящик стола, очевидно, за своей курительной трубкой.

– Чтобы сцедить яд, моя королевская кобра.

Кристин злобно зашипела, словно подтверждая его слова, и Тристан устало покачал головой.

– Изи, помяни мое слово, однажды за свою дерзость ты поплатишься языком. Или членом. Поговорим позже. – Тристан похлопал его по плечу и направился в соседнюю комнату, желая поскорее увидеть самого мудрого, терпеливого и уравновешенного члена их гильдии. Флоренс.

* * *

Флоренс спала, укрывшись лоскутным одеялом, в глубоком кресле с торчащей из подлокотника пружиной. Ее растрепавшиеся волосы темными змейками извивались по спинке кресла, а под глазами растеклась сурьма. Очевидно, долгая дорога сильно вымотала ее, иначе она ни за что бы не допустила, чтобы кто-то увидел ее в таком виде. Хоть и родилась в семье простолюдина, Флоренс была аристократкой по духу.

Тристан присел на корточки перед креслом, поправил соскользнувшее одеяло и осторожно убрал проворную прядь с лица. Ему не хотелось тревожить сон Флоренс, даже если она привезла срочные вести. Как и Изекиль, за годы службы в гильдии она стала для него такой же семьей, как его родные братья и Кристин.

– Ваше Высочество, – прошептала Флоренс, не открывая глаз, – вы вернулись?

– Спи, Фло, тебе нужно отдохнуть. – Он погладил ее по волосам и уже собрался уйти, но Флоренс встрепенулась и схватила его за ладонь.

– Я не сплю, – заверила она хриплым ото сна голосом. – Просто задремала, лишь бы не слушать перепалки Изи и леди Кристин. Они же мертвого достанут!

– Почему ты остановилась в комнате Кристин? Могла бы занять мою, там большая и мягкая кровать, нам вдвоем будет очень удобно. – Тристан призывно облизнул нижнюю губу, и остатки сонливости покинули Флоренс, уступая место снисходительной усмешке.

– Опять вы за старое, принц Тристан. Я не стану с вами спать, даже если на этом свете не останется других мужчин.

– Ты забыла наш страстный поцелуй?

– Я тогда проспорила леди Кристин, поэтому была вынуждена вас поцеловать.

Она соскочила с кресла с резвостью горной козочки, так что лоскутное одеяло подлетело и длинная бахрома по краям хлестнула Тристана по лицу. Потом Флоренс стерла остатки сурьмы из-под глаз, расчесала пальцами пышные локоны и, взяв с туалетного столика какой-то свиток, протянула Тристану.

– Я отыскала семью той служанки, что пыталась вас отравить.

Игривость Тристана как рукой сняло. Он забрал свиток и опустился в кресло, в котором только что дремала Флоренс.

Тристан пытался выяснить, кем были те люди, которых подослали его убить, из какого они сословия и города, а самое главное, кому служили. Он пригласил художника, который нарисовал мертвую служанку, что хотела отравить его, проникнув в Гринкасл, а осознав, что ее разоблачили, выпила яд сама. Художник также написал со слов Тристана портрет мужчины, преследовавшего его в переулке.

Тристан безрадостно усмехнулся, вспомнив негодование Рэндалла, когда привез в Вайтхолл мертвого наемника, что напал на него на лесном тракте, и попросил написать его точный портрет. С ними Флоренс в сопровождении охранников из гильдии и объездила Южное и Западное королевство в поисках хотя бы крошечной зацепки.

В свиток были свернуты те самые портреты, вот только теперь рядом с ними были оставлены пометки мелким почерком Флоренс.

– Служанку и правда звали Илона. Повезло, что она назвала свое настоящее имя – ее мы отыскали быстрее всех. Ей было девятнадцать. Дочь владельца мясной лавки из деревни Олдельм на границе с Арденом. Два года назад она сбежала с приезжим купцом. По словам матери, он представился Дареном, выглядел лет на тридцать, весьма хорош собой. Илона сразу в него влюбилась, но ее отец даже слышать не хотел про чужеземца.

Тристан задумчиво потер подбородок. Что же сподвигло простую девушку оставить возлюбленного, встать на путь убийцы и покончить с собственной жизнью, лишь бы не выдать имя человека, подославшего ее в Гринкасл? Или тот возлюбленный вовсе не был купцом?

– Родители Илоны не знают, откуда он родом?

– Он говорил, что прибыл из Ардена. Внешность у него довольно броская. Темно-рыжий, зеленоглазый, с серьгой в виде розы ветров.

Тристан ущипнул себя за переносицу и отложил портрет Илоны. На следующем листе был изображен убийца с лесного тракта.

– О нем тоже сумела разузнать?

Флоренс энергично закивала.

– Это Ульемо Фернандес, его опознали несколько жителей Тариона, провинции на севере Западного королевства. Ульемо был талантливым строителем и порядочным семьянином. Он отправился в Аталас в поисках достойной работы, чтобы прокормить жену и четверых детей, но год назад пропал без вести.

– А третий несостоявшийся убийца?

Плечи Флоренс поникли.

– Про него, к сожалению, ничего не выяснила.

Тристан скрыл досаду. Он с самого начала не строил никаких иллюзий, что они найдут сведения обо всех этих людях. Большой успех, что Флоренс сумела раздобыть что-то про двоих из них. Но третий – преследователь из Гринхилла, – возможно, до сих пор был жив. В тот вечер Тристан видел его издалека и плохо разглядел лицо, поэтому портрет не передавал его подлинный облик.

– Что ж, кое-что у нас все равно есть. Только вопросов стало больше. – Тристан скрутил портреты и постучал свитком по лбу. – Юг, Арден, Запад… Занимательная география получается. Либо человек, точащий на меня зуб, имеет влияние на всем Материке, либо Уилл рас-

трезвонил о моей причастности к гильдии, и теперь против меня ополчились сразу несколько людей.

Флоренс устало привалилась спиной к стене и помассировала виски.

– Мы будем искать дальше, – заверила она. – Кроме того, если король Рэндалл выяснит точный состав ядов, которые вы ему передали, возможно, у нас появится больше зацепок и мы приблизимся к разгадке. Не время отчаиваться.

Тристан тепло посмотрел на нее.

– Я и не думал отчаиваться, моя дорогая Фло. Ты потрудилась на славу. Отдыхай, завтра мы обговорим дальнейший план действий. – Он поднялся с кресла и, поравнявшись с ней, заговорщически подмигнул. – И все же двери моей спальни всегда для тебя открыты, Фло.

– Когда-нибудь, мой принц. – Она сладко улыбнулась. – Но не в этой жизни.

Тристан хмыкнул и, покачав головой в притворном недовольстве, отправился в свою спальню. Эта игра продолжалась с тех пор, как он пустил слухи, что обесчестил ее, чтобы вырвать из лап деспотичного отца. Он понимал, что Флоренс никогда не согласится стать одной из его многочисленных любовниц, а она, в свою очередь, знала, что его шутки никогда не зайдут дальше легкомысленных поцелуев, потому что они оба дорожили дружбой, проверенной годами.

В комнате Тристана находились лишь узкая кровать у стены, стол и шкаф с поломанной дверцей. Вся мебель поизносилась от старости, хотя и в лучшие свои годы явно не отличалась качеством, зато здесь не было клопов и прочей живности, а простыни пахли луговой свежестью. Возле окна стояла тахта с прохудившейся обивкой, на которой лежал вещевой узел Изекиля. Он сам или все еще собачился с Кристин, или пошел расслабиться в местный бордель или таверну.

Тристан лег на кровать прямо в одежде и сапогах. Бросив вороватый взгляд на дверь в опаске, что вот-вот войдет Изи, он вытащил из кармана брюк медальон. Стоило ему осторожно погладить большим пальцем крышку с выгравированным на ней ландышем, как в груди разверзлась бездна, в темноту которой Тристан стремительно летел уже несколько лет, но никак не мог достигнуть дна. С каждым годом она только ширилась, холодела и темнела, засасывая его все глубже и глубже.

Смерть Анны, предательство Артура и предательство матери… Предательство Уилла, а потом его смерть, с которой Тристан все никак не мог смириться. Смерть Артура, к чему приложил руку он сам. Каждое это событие отрывало от души огромные куски, оставляя лишь мрак и пустоту, а он продолжал делать вид, что все хорошо, пока полностью не опустел.

Тристан прижался губами к крышке, мысленно шепча имя Анны. Он с исступлением втягивал носом воздух, надеясь, что медальон сохранил хотя бы жалкие крохи любимого аромата ландышей. Но холодный металл был не способен на это.

Продолжая отчаянно сжимать в ладони медальон, Тристан закрыл глаза. Он мечтал увидеть Анну, хотя бы на считаные мгновения, но она никогда не посещала его сны. Они были пустыми, холодными и мрачными, как и израненная, сломленная душа Тристана.

Глава 5

Всю дорогу Адалине казалось, что она вот-вот услышит позади топот десятков копыт и звон колокольчиков – звук, сопровождающий королевскую стражу. Она постоянно в страхе оборачивалась и глядела в заднее окно, не переставая напоминать себе, что сегодня празднество и Стефан, даже если обнаружит ее пропажу, не станет поднимать на уши город.

На улицах из-за гуляний практически не было извозчиков, и Адалина мысленно поблагодарила Тристана за то, что предоставил карету и избавил ее от лишней головной боли. Они быстро добрались по пустым дорогам до окраины Аталаса, где уже ждала Изобель. Еще три месяца назад она сняла комнатку в одном из неприметных трехэтажных домов, расположенных плотными рядами, и все то время там жили две крестьянки, ростом и цветом волос похожие на Адалину и Изобель, о чем тоже позаботилась ее сообразительная служанка. Теперь никто не свяжет пропажу фаворитки короля и заезд двух одиноких девушек в небольшую комнату с ветхой мебелью на окраине Аталаса.

Когда они остановились у нужного дома, Адалина увидела, что в окне на втором этаже горит тусклый свет и виднеется женский силуэт, бродивший по комнате. Изобель. Адалина поблагодарила извозчика и вошла в дом. Внутри он был таким же мрачным, как и снаружи. От серых бетонных стен тянуло сыростью, протертые половицы скрипели под ногами, а стоило ей положить руку на перила, как она тут же вогнала под кожу занозу.

– Хвала Единому, вы здесь!

Изобель появилась на вершине лестницы так внезапно, что Адалина от испуга оступилась и чуть не повалилась назад.

– Тише ты! Всех жильцов распугаешь, – недовольно шикнула она, хотя сама создавала куда больше шума, чем обрадованная ее успешным побегом служанка.

Адалина поравнялась с Изобель, и та, схватив ее за руку, потянула к дальней двери.

– Через стену от нас живет хозяйка дома. Она неимоверно ворчливая, и если разбудим ее, будет отчитывать нас до самого утра.

– Хозяйка? – сквозь зубы прошипела Адалина. – Она же сразу поймет, что мы не те девушки, что жили здесь последние три месяца!

Изобель промолчала и заговорила, только когда они переступили порог тесной комнатки, освященной одной тусклой свечой, и плотно закрыли за собой дверь.

– У нее слабое зрение. Сегодня я заходила к ней, чтобы внести плату за следующий месяц, и она даже не заметила подмены.

– А как же другие жильцы?

– По моему наказу, наши «двойники» почти не попадались им на глаза. Всем известно, что тут уже несколько месяцев живут две девушки, но как они выглядят, никто доподлинно не знает. Вам не о чем беспокоиться.

Адалина наконец-то с облегчением выдохнула.

Стефан придет в ярость, когда узнает о ее побеге. Если, конечно, уже не узнал. Он поставит на уши городскую стражу, перероет весь город – все королевство, если потребуется, – лишь бы ее отыскать. Ей предстоит пройти еще немало испытаний, чтобы стать по-настоящему свободной.

И все же она с упоением вдыхала запах сырых стен и старой мебели, которая заполняла ее временное пристанище, и впервые за долгие месяцы широко и искренне улыбалась. Она выбралась из клетки и, будь проклят весь этот мир, никогда в нее не вернется.

* * *

Весь следующий день Адалина проспала, несмотря на жесткую, неудобную кровать. Проснулась уже ближе к вечеру из-за тянущей боли в желудке. Она была так голодна, что проглотила бы даже медведя. Аромат яичницы пощекотал нос, а живот заурчал подобно реву того самого медведя, которого Адалина не отказалась бы сейчас съесть.

– Изобель? – позвала она, поднявшись с кровати.

Прошлым вечером в комнате было темно, и она сама так утомилась, что даже не удосужилась хорошо осмотреться. Теперь же она ступала по истертому временем паласу, который приглушал шаги, но не спас бы ступни от холода, будь на дворе зима или поздняя осень. Адалина увидела у стены старый буфет, на полках которого стояла разномастная глиняная посуда с трещинами и сколами. В одной из вазочек в голубой горошек благоухали полевые ромашки. Адалина почувствовала прилив благодарности верной служанке, которая собрала цветы, чтобы создать в обшарпанной комнате хоть какую-то видимость уюта.

Ее мысли прервали тихие шаги и последовавший за ними жалобный скрип.

– Госпожа, вы проснулись? – Изобель приоткрыла дверь, толкнув ее ногой, и вплыла в комнату с тяжелым подносом в руках.

Ее светло-русые волосы были распущены, а передние пряди придерживали простые шпильки. Адалина, привыкшая видеть служанку с пучком на макушке, удивилась новой прическе.

– Незамужние горожанки любят распускать волосы, – пояснила Изобель, поставив поднос с едой на шаткий стол, который, казалось, мог развалиться на части от малейшего дуновения ветра. – За дверью в углу умывальня. Я подготовила для вас горячую воду, душистое мыло и таз. Можете умыться, а я пока нарежу хлеб и овощи.

Адалина привыкла к просторной ванне, и ей было трудно купаться в тесном тазу, но она не стала звать Изобель, которая и так делала для нее слишком многое. Она старательно вымыла волосы и до красноты растерла тело грубой мочалкой, чтобы счистить с себя пот и городскую пыль. Облачившись в простое серое платье из тонкого льна, она вернулась на кухню и принялась за еду с аппетитом голодного зверя.

– Завтра мы покинем Аталас, – поделилась планами Изобель, когда Адалина, наплевав на манеры, вгрызлась в теплый хлебный мякиш. – Король Стефан отдаст приказ закрыть городские ворота. Главные для нас самые опасные, поэтому мы пройдем через восточные. Один из стражников работает на гильдию. Он пропустит нас.

– Как члены гильдии общаются между собой? – спросила Адалина, слизнув с кончика пальца остатки сливочного масла. – И как вы узнаете друг друга?

– Пароли, отличительные символы на одежде, дверях или окнах зданий, определенные жесты. Каждый месяц они сменяются, чтобы в наши ряды не затесался лазутчик. Но связь с господином есть лишь у единиц. Я одна из тех, кто удостоен такой чести за верную службу.

– Господин? – хмыкнула Адалина. – Это он так просил себя называть? Почему не владыка? Учитывая амбиции принца Тристана, слово «господин» слишком ничтожно для него.

– Мы не произносим имени, чтобы случайно не выдать его личность. Есть и такие члены гильдии, которые общаются непосредственно с господином, но даже они не подозревают, что он – принц Южного королевства.

– Ясно. – Адалина сделала глоток красного чая, который Изобель украла на кухне Изумрудного дворца. – Если пойдем через восточные ворота, то нам придется сделать большой крюк, чтобы добраться до Фолка.

– Вы все-таки не изменили своего решения? Легче пересечь границу Востока, а оттуда по морю отправиться на Малый Материк. До Фолка месяц пути.

– В Фолке легче затеряться, там много чужеземцев с Востока и Запада. И оттуда мы можем добраться до порта Ардена, – твердо заявила Адалина.

Изобель нахмурилась, но кивнула.

– Вы правы, но нужно остерегаться главного тракта. Его будут обыскивать. Поедем через леса. Я обращусь к господину, он не откажет вам в помощи и выдаст солдат для сопровождения. В лесах опасно, можно легко угодить на земли дикарей.

Адалина перестала жевать и отложила вилку с кривыми зубчиками.

– Я буду очень благодарна, если ты найдешь мне сопровождающего, но тебя с собой в Фолк не возьму.

Лицо Изобель вытянулось в немом изумлении. Адалина знала, что служанка начнет спорить, поэтому вновь заговорила, опередив ее возражения:

– Это не обсуждается, ты и так много всего для меня сделала. Я не могу позволить тебе покинуть Запад и отправиться навстречу неизвестности, когда тебя ждет сын.

Глаза Изобель наполнились слезами благодарности, и Адалина с трудом проглотила ком в горле. Она страшно боялась остаться без поддержки своей верной служанки. Изобель с малых лет работала в Изумрудном дворце и прислуживала Адалине и ее матери Веронике, еще когда Фредерик Ришель занимал пост главного советника короля. И даже после того, как семья Ришель перебралась из дворца в родовое поместье, Изобель часто навещала Веронику и знала все ее секреты. Когда Адалина попала в Изумрудный дворец уже в качестве фаворитки Стефана, Изобель стала ее единственной поддержкой и опорой. Заменила ей старшую сестру, оберегала ее, как могла защищала от издевок Стефана и даже помогла сбежать. Но она не была одинокой и никому не нужной, как сама Адалина. В ближайшей к Аталасу деревне жил ее сын, который уже и забыл, как выглядит мама. Поэтому Адалина не смела требовать от нее покинуть королевство. Хотела, но не могла.

– Спасибо, моя госпожа. – Изобель порывисто склонилось и поцеловала ее руку, на которой не было больше многочисленных браслетов и колец, отчего Адалина чувствовала себя голой. – Я обязательно позабочусь о том, чтобы вы отправились в путь под защитой надежной стражи.

– Но пока я не покинула Аталас, мне нужна твоя помощь в последний раз. – Адалина прикусила щеку изнутри, зная, что Изобель не понравится ее просьба.

– Что угодно, миледи.

– Я хочу посетить семейное кладбище Ришель.

Изобель от удивления дернулась, ударившись коленкой о низкий столик, отчего посуда на нем возмущено звякнула.

– Госпожа, король Стефан в первую очередь отправит своих людей туда. Это слишком опасно!

– Я не собираюсь проникать в дом. Мы проберемся на кладбище, оно находится в самой отдаленной части поместья. Там даже прислуги не бывает, только старый сторож. Тем более я знаю обходный путь, мы останемся незамеченными.

Ее слова не убедили Изобель. Она протестующе покачала головой.

– Нет, госпожа, вы не понимаете. Если король Стефан вас поймает, он будет мстить за побег. Не оставит в вас ни капли воли к жизни.

Адалина горько усмехнулась и поднялась из-за стола. Аппетит пропал, а живот скрутило от волнения так, что съеденный завтрак отчаянно просился наружу. Горло опалило желчью.

– Уж я-то знаю, каким Стефан бывает в гневе, – с горечью прошептала она. – Я лучше сию же секунду расстанусь с жизнью, чем вернусь в Изумрудный дворец. Но я должна проститься с матерью. Понимаешь? Должна.

Изобель нервно поправила разметавшиеся по плечам локоны. Ей явно было непривычно ходить с распущенными волосами.

– Хорошо, – после недолгого молчания наконец согласилась она, понимая, что Адалина тверда в своем намерении. – Отправимся в поместье глубокой ночью. Так будет легче остаться незамеченными. Доберемся как раз к рассвету, и вы без проблем отыщете могилу леди Ришель.

После завтрака Изобель отправилась в город, чтобы разузнать, не поползли ли слухи о побеге, а Адалина осталась дома. Стены унылой комнатушки давили и навевали тоску на нее, а любые шорохи и скрипы, доносившиеся из-за двери, заставляли вздрагивать. Она прекрасно понимала, что солдаты Стефана не ворвутся сюда и не подумают искать сбежавшую фаворитку короля в одном из районов для среднего сословия, однако силки страха не желали ослаблять хватку на ее горле. Адалина даже не могла ни на что отвлечься: в комнате не нашлось ни книг, ни принадлежностей для рукоделия, и даже окно было не застеклено, как в поместье Ришель или в Изумрудном дворце, а обтянуто бычьим пузырем. Через него хоть и пробивался солнечный свет, но разглядеть улицу было практически невозможно. Адалина пыталась отворить оконную раму, но та не поддалась.

Чтобы хоть немного отвлечься от обуявших ее тревог, она начала мерить шагами комнату. Она потерла грудь и уже хотела привычным жестом подцепить цепочку с медальоном, но вовремя опомнилась – их забрал владелец. Адалина совсем не к месту вспомнила, как этот нахальный принц залез под лиф ее платья, почувствовала обжигающее прикосновение длинных пальцев, как наяву, и поежилась, будто ее прошиб озноб. Она надеялась, что их пути больше никогда не пересекутся – слишком опасно ей встречаться с ним вновь. Образ Тристана в наряде разбойника уже принял четкие очертания в ее сознании, когда Изобель вернулась.

– Есть какие-нибудь вести? – спросила Адалина, прогоняя из мыслей взгляд черных глаз.

– Среди простых горожан пока тихо, но в районе Вельмож всюду снуют королевские солдаты. Слуги поговаривают, что они обходят дома лордов с официальным разрешением на обыск от самого короля, но кого именно разыскивают, держится в строжайшем секрете, – отчиталась Изобель. – Первым под удар попало поместье Моро. Слуги даже видели, как самого лорда Моро чуть ли не в кандалах поволокли во дворец.

Ладони Адалины стали липкими от пота, ведь именно через поместье Моро они выбрались в город.

– Сегодня ночью отправимся к поместью Ришель, а оттуда – прямиком к восточным вратам, – твердо сказала она, сжимая руки в кулаки. – Задерживаться здесь небезопасно. Как только Стефан поймет, что меня нет в районе Вельмож, он начнет обыскивать дома простых горожан и усилит охрану городских стен.

– Я подготовлю все к нашему уходу. – Изобель засуетилась и достала из-под кровати холщовую сумку. – А вы пока поспите, госпожа, ночью нас ждет долгая дорога.

* * *

Большинство домов аристократов Аталаса располагались в районе Вельмож, в непосредственной близости от Изумрудного дворца, но древний и некогда могучий род Ришель отличился и в этом. Далекий предок Адалины был храбрым воином и не боялся нападок дикарей с запада. Собрав отряд из таких же отчаянных бойцов, он построил поместье прямо в фермерских угодьях на окраине Аталаса. Возвел стены столь высокие, что если кто-то из дикарей и пытался ступить на его владения, то его ждала жестокая расправа. Головы убитых суровый предок нанизывал на пики, чтобы устрашить врагов.

Адалина и Изобель добрались до поместья в предрассветный час. Величавый замок, по красоте почти не уступавший Изумрудному дворцу, грозно возвышался над аллеей сосен и елей, саженцы которых прапрадед Адалины привез из Северного царства. В темноте замок выглядел устрашающе, и даже в воздухе витал могильный холод. Адалина знала, что за старым

поместьем ухаживают слуги и он не опустел, но не могла отделаться от ощущения, что смотрит не на дом, в котором выросла, а на склеп.

– Нельзя подходить слишком близко. – Изобель дернула ее за рукав, когда Адалина, ведомая странными порывом, вышла из сени густой кроны старого вяза, росшего в нескольких десятках метров от изгороди поместья. – Кто-то из слуг может бодрствовать и заметить нас через окно.

Адалина вздрогнула, тряхнула головой и поторопилась в сторону пологого склона позади поместья. Там, в небольшой роще, среди буйной зелени дубов, тополей и плакучих ив располагалось родовое кладбище Ришель. Изобель направилась вперед, чтобы проверить, не снует ли между рядами высоких памятников пожилой сторож Эдмунд, а по возвращении сказала, что все чисто.

Придерживая полы длинного дорожного платья, Адалина двинулась в сторону ограды, увитой плющом и пурпурными вьюнками. Здесь не ощущалось той гнетущей тишины, что давила на виски, когда они только приблизились к поместью. Адалина уверенно шла вглубь кладбища, минуя высокие статуи, которые, словно безмолвные стражи, присматривали за усопшими предками. Звонкая трель соловьев, облюбовавших рощу, возвещала о скором пробуждении солнца. Трава под ногами тихо шелестела, приветствуя ее, а когда Адалина случайно задевала низкие ветви деревьев или густые заросли кустарников, на нее прохладным дождиком брызгала роса. Но она всего этого не замечала. Ее вниманием завладела высокая статуя лесной нимфы, чью наготу скрывали цветы белого вьюнка, спиралью обвившего изящные изгибы талии. Эта статуя охраняла могилу ее матери.

Спотыкаясь, Адалина приблизилась к ней и опустилась на колени перед надгробным камнем. Она всеми силами старалась не вспоминать день, когда жестокая судьба отобрала у нее все. День, когда она в последний раз видела большие зеленые глаза матери, слышала ее мягкий бархатный голос и чувствовала прикосновения теплых ладоней. Вероника Ришель была странной женщиной, холодной со своими детьми, и порой казалось, что она ненавидит свою дочь. Многие ее поступки Адалина и по сей день не хотела понимать и принимать, но она любила ее. Любила всем своим израненным сердцем, и вид матери, лежавшей на полу в луже крови, с разбитым виском и остекленевшими глазами, лишил ее последних крох света, которые все еще искрились в душе, но теперь померкли навсегда.

– Здравствуй, мама. – Адалина говорила шепотом, хотя Изобель осталась далеко позади, давая ей побыть с могилой матери наедине. – Это мой последний визит, потому что скоро я покину Аталас навсегда, – сбивчиво проговорила она и торопливо стерла со щеки непослушную слезинку. – Я пришла попрощаться.

Адалине хотелось поведать, как сильно она любит ее и скучает, что прощает за все, но слова застревали в горле, словно его сжимала невидимая рука, и с губ срывались лишь сдавленные всхлипы.

Не в силах сказать что-то еще, она поднялась с колен и ласково провела по каменной руке, скользнула по длинным пальцам нимфы к тонкому запястью. Адалина представляла, что касается мамы, что вместо холодного мрамора гладит ее теплые ладони. Пальцы задели вьюнок, браслетом опутывающий запястье статуи, и Адалина уже хотела убрать руку, но внезапно нащупала кое-что еще. Она приблизилась, уверенным движением отодвинула стебель с крупными белыми цветками и увидела атласную ленту.

Ее мать любила перед сном вплетать в косу такие ленты. Но кто повязал ее на запястье статуи? Адалина воровато огляделась по сторонам, будто сделавший это притаился в кустах или за ближайшим деревом, а потом отвязала ленту. Поддавшись внезапному порыву, она понюхала ее в надежде почувствовать знакомый аромат духов, но атласная ткань пропахла цветочной пыльцой.

– Мама… – с горечью прошептала Адалина и провела пальцами по ленте.

Внезапно гладкость атласа сменилась шероховатостью грубых стежков толстой нити, и она нахмурилась. На небе занимался рассвет, но из-за густых крон высоких деревьев на кладбище все еще было темно, поэтому она не могла разглядеть вышивку.

– Изобель, – тихо позвала Адалина и, когда служанка торопливо приблизилась, протянула ей находку. – Это мамино, – пояснила она. – Тут что-то вышито, но я не могу разобрать. Ленты мамы были без украшений и вышивок. Я точно помню.

– Может, это не принадлежало леди Ришель? – предположила Изобель, внимательно ощупывая ленту подушечкой большого пальца.

– Я нашла это на запястье статуи. Зачем кому-то повязывать чужую ленту на могиле мамы?

Услышав изумленный возглас Изобель, Адалина встрепенулась.

– Что случилось?

– Это не просто вышивка. – Изобель медленно водила пальцем по ленте, подковыривая стежки ногтем и устремив сосредоточенный взгляд вдаль. – Это буквы. Здесь оставлено послание.

– От кого? – Адалина вновь осмотрелась по сторонам. Ощущение, будто за ними кто-то следит, только усилилось.

– Не знаю. Тут какой-то шифр. Буквы и цифры. – От усердия Изобель даже высунула кончик языка. Она часто так делала, когда вязала крючком или штопала одежду. – Р4, стрелка вверх, М12, стрелка вправо.

– Ты уверена, что правильно разобрала шифр?

– Абсолютно.

Адалина выхватила ленту из рук служанки и чуть ли не уткнулась в нее носом, но разглядеть послание в темноте было почти невозможно.

– Р4, М12… Р4… – бормотала себе под нос Адалина, блуждая потерянным взглядом по длинным рядам разномастных статуй, стерегущих могилы. – Р4, М12 и стрелки. Что это может значить?

В этот момент она забыла и о существовании Изобель, и о том, что им нужно поскорее покинуть это место, пока не проснулся Эдмунд и не вышел из сторожки, располагавшейся у входа на кладбище. Адалина вспомнила, как они проникли сюда, забравшись на дерево, что росло возле изгороди на противоположной стороне, и спрыгнув на территорию кладбища. Адалина тогда неудачно приземлилась и чуть не снесла деревянную табличку, на которой была выбита цифра один. Всплывшая в памяти картина заставила шестеренки в ее мозгу заработать с утроенной силой.

– Р4, М12… Р4… Р… – шептала она, наматывая ленту на палец так туго, что он онемел. – «Р» – это ряд!

Адалина сорвалась с места и помчалась к краю изгороди, где чуть не сшибла табличку с номером. С каждым ее шагом подол платья тяжелел, впитывая в себя капли росы, а ткань легкой накидки цеплялась за ветки, пока вовсе не слетела с плеч, застряв в колючках терновника.

Добравшись до ограды, она быстро отыскала табличку. На ней значилась цифра семь.

– Седьмой ряд. Нам нужен четвертый.

– Нет, госпожа. – Изобель, следовавшая за ней по пятам, слегка запыхалась. – На ленте была стрелка вверх. Нумерация кладбища начинается от входа, то есть снизу. Значит, нам нужен четвертый ряд с конца, сверху, двенадцатая могила слева.

К тому времени, когда они отыскали нужную могилу, солнце уже поднялось из-за горизонта и редкие лучи проникали сквозь зелень листвы, освещая рощу мягким золотым сиянием. Адалина и Изобель обошли статую зрелой женщины, облаченную в длинный плащ с капюшоном и державшую на плече кувшин. Надгробный камень был покрыт многолетним слоем мха,

а саму статую почти целиком поглотили заросли плюща, пощадив лишь голову и узкое горлышко кувшина.

– И что это значит? Зачем нам могила? – спросила Адалина, пытаясь разобрать надпись на надгробии. – Судя по мху и зарослям, она очень старая. Следов недавних раскопок тоже нет. Может, я ошиблась и шифр означал нечто другое?

Изобель внимательно изучала каменную деву, постукивая указательным пальцем по подбородку.

– Нужно оборвать плющ, может, подсказка под ним? – предположила Адалина.

Изобель покачала головой.

– Они уже оборваны. – Она приблизилась и вытянула один из стеблей с засохшим кончиком. Сбоку от места среза тянулся молодой побег с более светлыми лепестками. – Их обрезали по меньшей мере несколько недель назад.

Изобель задрала голову и вгляделась в мраморное лицо. Она потянулась к макушке, но, не сумев достать до нее, забралась прямо на могильный камень и стала ощупывать статую. Когда ее рука коснулась горлышка кувшина, она тихо вскрикнула:

– Госпожа, там пробка. Не каменная, а деревянная! – Она с трудом вытащила пробку и заглянула внутрь кувшина. – Кажется, там что-то есть. Похоже на свиток. Мне нужны две длинные тонкие веточки, я использую их как щипцы, чтобы вытащить его.

Адалина отломила ветки с ближайшего дерева, ободрала листья и протянула служанке.

Изобель долго возилась, пытаясь выудить находку из кувшина. С каждым мгновением волнение в груди Адалины все нарастало, и она нервно озиралась на любой шорох, боясь, что их вот-вот обнаружат.

– Получилось! – Громкий шепот заставил ее облегченно выдохнуть.

Адалина протянула руку и сухо сглотнула, когда ей на ладонь опустился свиток пергамента, перетянутый бечевкой, но сургучной печати на нем не было. Она так нервничала, что сумела стянуть бечевку только с третьей попытки, а раскрыв свиток, так и обомлела. Она сразу узнала почерк.

Дорогая Адалина,

раз ты читаешь мое послание, значит, находишься в здравии и безопасности. Если же над тобой нависает угроза, уверен, ты справишься и с этим. Ты всегда была очень умной и сильной девушкой, и я неимоверно горжусь тобой. Знаю, сколько боли и потерь тебе пришлось пережить за последний год, и мне горько, что все это происходит с моей драгоценной дочерью. Еще горше от того, что меня нет рядом.

Не могу рассказать тебе всего, боюсь, что письмо попадет не в те руки и навлечет на тебя еще большие беды. Однако есть человек, который сможет ответить на все твои вопросы.

Найди Бернарда Этира. Отыскать его будет непросто, но ты должна сделать это ради своего и общего блага. Я знаю, что ты справишься. Потому что ты – моя дочь.

Пока Адалина читала письмо, ей казалось, что сердце перестало биться, а в легкие – поступать воздух. Она держала в руках не просто свиток, а самый ценный дар.

И самое страшное проклятие.

– Моя госпожа, что там написано? – Взволнованный голос Изобель раздавался будто издалека. – Нужно уходить и добраться до городских врат к обеду.

– Мы никуда не поедем, – твердо сказала Адалина.

– Что?! Но как? Вам надо немедленно покинуть город, – нервно зачастила Изобель, активно жестикулируя.

Адалина наконец оторвала взгляд от строк, которые въелись в сердце подобно несмываемым чернилам.

– Это письмо от моего отца.

Служанка вмиг побледнела и прикрыла рот дрожащей ладонью, а Адалина сложила письмо несколько раз и спрятала в лифе платья.

– Но… но как? Он же…

– Я не могу уехать, – повторила Адалина, заставляя служанку замолчать на полуслове и не желая в очередной раз слышать то, о чем и так знала и не могла забыть. – Придется пока затаиться здесь. Скажи, Тристан еще не покинул Аталас?

Изобель коротко качнула головой, и это вселило в Адалину толику спокойствия и уверенности.

– Я должна с ним встретиться. Мне нужна помощь «Черной розы».

Глава 6

«Обитель соблазна» считался лучшим домом удовольствий не только на Западе, но и на всем Великом Материке. В залах и коридорах трехэтажного особняка не встретишь голых девиц, предающихся плотским утехам у всех на виду, и не услышишь похотливых стонов за прочными стенами просторных роскошных спален. Вместо этого здесь проходили грандиозные представления лучших танцовщиц королевства, факиров и музыкантов, а в отдельных залах мужчины играли в карты и шахматы и распивали самые дорогие напитки.

Тристан был частым гостем «Обители соблазна», но никогда не пользовался услугами изысканных куртизанок, за ночь с которыми аристократы Запада оставляли целое состояние. Он не обманывался ни лоском дорогой мебели, ни изысканными напитками, ни ароматом благовоний, ни красотой женщин и прекрасно знал, какая грязь происходит за алыми стенами и в огромных, как ипподром, кроватях с тяжелым балдахином. Все, что ему здесь было нужно, – это информация, а ее ему любезно передавала одна из самых дорогих куртизанок борделя, Эрика.

Об этой девушке ходила разная молва. Кто-то говорил, что она была внебрачной дочерью какого-то лорда, чья жена навела на ее мать порчу. Другие считали Эрику колдуньей. Третьи же думали, что ночь с ней приносит удачу и несметные богатства.

А все из-за ее необычных глаз: один карий, почти черный, словно ночная мгла, а второй – ярко-голубой, как ясное небо в самый погожий день. Кроме того, она была умна и благодаря своей хитрости могла выведать самые сокровенные секреты клиентов.

Раньше Тристан наведывался в «Обитель соблазна» несколько раз в год, чтобы побеседовать с Эрикой. Задобрить ее оказалось несложно. Хозяйка борделя запрещала своим куртизанкам есть сладкое, чтобы зубы оставались безупречными, и строго следила за их весом, поскольку все мужчины Запада любили стройных девушек. Поэтому Тристан выкупал Эрику на несколько дней за огромные деньги и заказывал в опочивальню самые вкусные сладости и вина. Она объедалась сладостями до отвала, напивалась так, что у нее начинал заплетаться язык, и очень много спала. К ее пробуждению он держал наготове особое снадобье, избавляющее от похмелья, и куртизанка, благодарная за прекрасный отдых, рассказывала ему все столичные сплетни.

Этот способ помогал Тристану на протяжении нескольких лет выведывать важные для гильдии сведения, вот только сейчас не мог пойти к ней сам, ведь официально был признан погибшим, а Эрике не доверял настолько, чтобы раскрыть свой секрет. Поэтому на эту миссию он отправил Изекиля.

– Пошли третьи сутки, – проворчала Кристин, нервно постукивая каблуком туфельки по деревянной половице. – Где носит этого пса? Не удивлюсь, если он присвоил все деньги Эрики и напился в какой-нибудь замызганной таверне до состояния безмозглой твари. Сколько деревенщину в шелка и парчу ни наряжай, деревенщиной он и останется.

– Кажется, ты слишком вжилась в роль сварливой жены. Изи никогда не напивается, а денег у него и без моих предостаточно. И ты это прекрасно знаешь, Кристин.

Тристан сидел за письменным столом и перечитывал записки, оставленные членами гильдии в специально отведенных для этого местах: тавернах, трактирах, кабаках, тайниках в городском сквере, в банках и даже в Домах Единого. В основном члены гильдии таким образом назначали друг другу тайные встречи, чтобы передать сообщение, но иногда среди посланий находилась и ценная информация. Обычно собирали записки и доносили сведения нужным людям члены низшего ранга, но время от времени Тристан разъезжал по городам Юга и Запада, где находились основные силы гильдии, и проверял слаженность работы самостоятельно.

– Ну и где он тогда, как думаешь? – Кристин ударила сложенным веером по ладони.

За последние два дня она вытащила из тайника украшенный дахабским ажуром веер, изумрудные серьги и золотой браслет, а это свидетельствовало лишь о том, что ее терпению настал конец и она хочет вернуться в привычную для себя обстановку роскоши и комфорта.

– Там, где и должен быть. Если ты моя правая рука, Кристин, Изи – левая. Я ему доверяю как самому себе.

– Ну а я, судя по тому, что исколесила половину материка, ваша правая пятка, – подала голос Флоренс, сидевшая в дальнем углу комнаты и изучавшая карту отдаленных провинций Западного королевства.

Тристан уже хотел сказать верной помощнице слова поддержки, но тут на лестнице послышались шаги. Кристин встрепенулась и спрятала веер в переднике, который за последние недели успела возненавидеть. Она каждый день клялась Тристану, что сожжет его.

Шаги становились все отчетливее, словно кто-то направлялся в сторону их комнаты. Через несколько мгновений дверь распахнулась, и на пороге появился Изекиль, взъерошенный и злой.

– Мой господин, в следующий раз, если захотите от меня избавиться, лучше отправьте в самую гущу битвы. В тот бордель я больше ни ногой!

Тристан отложил стопку записок и откинулся на спинку кресла, внимательно изучая помощника. Под его глазами залегли тени, из-под ворота рубашки выглядывали кровоподтеки и глубокие царапины, и даже уголок рта окрасился в иссиня-багровый.

– Это что, Эрика тебя так? – не без удивления спросил он.

Изи прошел к столу, неестественно выпрямив спину, хотя обычно немного сутулился из-за слишком высокого роста. При виде него Кристин еще сильнее нахмурилась и демонстративно отвернулась. Флоренс же, напротив, отложила карту и с недоумением уставилась на него.

– Эта ваша Эрика сумасшедшая. Она не слезала с меня двое суток! – Он выдвинул табурет и медленно опустился на него, морщась от боли.

Тристан недоуменно выгнул бровь.

– Даже боюсь спросить, что она с тобой делала, раз у тебя вид такой, будто ты не на табурет сел, а на кол.

Изекиль выдохнул и убийственным тоном процедил:

– Она расцарапала мне всю спину и… – Он бросил извиняющийся взгляд на Флоренс, а потом с опаской покосился на Кристин, которая изо всех сил притворялась, что не слушает его. – И ягодицы. До мяса.

Услышав его слова, Тристан подавился воздухом и закашлялся, Флоренс захихикала в кулак, а Кристин брезгливо сморщилась и направилась к письменному столу, чтобы найти курительную трубку.

– Мы сейчас точно об одной и той же Эрике говорим? – уточнил Тристан, усилием воли приняв серьезный вид.

– О ней самой, – ответил Изекиль. – И у меня встречный вопрос. Ее точно не из океана выловили? Она вела себя как голодная до мужчин сирена. Выжала из меня все соки. И точно бы вырвала мое сердце и сожрала его, если бы я не кормил ее самыми дорогими яствами. Ест она, кстати, больше трех здоровых мужчин вместе взятых, и пьет так же.

– Да, это точно наша Эрика, – подытожил Тристан, но в следующий миг нахмурился. – А почему она на тебя набросилась? За ценную информацию она всегда требовала с меня двое-трое суток выходных, чтобы отоспаться и поесть. И никаких утех. Она заверяла, что из-за работы ей тошно от близости с мужчинами…

Изекиль выругался себе под нос и насупился, точно мальчишка.

– Ага… тошно ей. Завидев меня, она сразу начала нести какую-то околесицу, якобы мы оба отмечены самой природой. У нее разные глаза, у меня седые волосы, а посему наша бли-

зость благословит нас обоих, и прочий несвязный бред. Я не стал говорить, что седой не от рождения, чтобы расположить к себе. Кто ж знал, что она безумная…

– Во имя Единого, седовласка, поплачешься ночью в подушку, – возмущенно процедила Кристин, прерывая гневную тираду Изи. – Ты должен был раздобыть информацию, и из-за тебя мы застряли в этом клоповнике на несколько дней дольше запланированного!

– Не кипятись, моя ревнивая кобра. – Изекиль одарил ее ласковой улыбкой, отчего Кристин только сильнее ощетинилась. – Информацию я добыл.

Тристан подался вперед и положил локти на стол.

– Есть вести про нашу пташку?

– Ее разыскивают. – Изекиль задумчиво кивнул, и вся напускная веселость мигом сошла на нет. Кристин замерла у стола, держа трубку в руке, которую так и не раскурила. – Король Стефан держит в секрете, что она пропала, но королевская гвардия рыщет по району Вельмож, не объясняя никому, что им нужно.

Изекиль коснулся задней части шеи, желая потереть ее привычным жестом, но с тихим шипением отдернул руку. Видимо, наткнулся на очередной синяк или царапину, оставленную ненасытной Эрикой.

– И ради этих никчемных сведений ты три дня прожигал казну гильдии и сношался, как животное? – злобно выплюнула Кристин и начала лихорадочно раскуривать трубку.

– Ох, как будоражат вас фантазии о моих любовных похождениях, госпожа, – хмыкнул Изекиль, и Тристан хлопнул ладонью по столу, устав слушать их бесконечные перепалки.

– Не отвлекайтесь, друзья. Или мне выделить вам отдельные покои, чтобы вы остудили свой пыл? – Тристан посмотрел на них обоих рассерженным взглядом. Изекиль приподнял уголок рта, а Кристин стала пунцовой от негодования. – Ты узнал что-нибудь еще, Изи? Кристин права, нам нужно больше информации.

– Узнал. Поиски начались задолго до пропажи Адалины Ришель.

В комнате повисла тишина. Даже голоса на улице, казалось, умолкли. Три пары глаз уставились на Изекиля с немым вопросом, пока тот, морщась от боли, ерзал на неудобном табурете и вслепую нащупывал царапины на спине.

– Можешь рассказать подробнее? – первым нарушил безмолвие Тристан. – Что значит «поиски начались задолго до ее пропажи»?

– Никто не знает, что именно ищет королевская гвардия Стефана, но поиски начались спустя три дня после смерти короля Таннаta. Однако до побега леди Адалины обыскивали в основном дома приближенных покойного лорда Ришель, а теперь осматривают все поместья подряд, вне зависимости от того, в каких отношениях их хозяева состояли с семейством Ришель. Но и это еще не все.

Изекиль наконец вытащил руку из-за ворота рубашки и внимательно изучил следы крови на пальцах. Кристин поморщилась, будто ей под нос сунули протухшую рыбу.

– За эту вылазку, господин, я требую двойную плату. И выходной день.

– Не отвлекайся, – осадил его Тристан. – Что еще ты узнал?

– Эрика сказала, что недавно у нее был мужчина из Изумрудного дворца. Она не стала называть имени, но, по ее словам, это кто-то из королевской свиты. Он по пьяни проболтался, что церемонию коронации снова перенесут, потому что, цитирую: «Скоро в Изумрудном замке снова будет траур». Очевидно, имелась в виду смерть королевы при родах. Стефан давно подписал ей приговор.

Тристан соединил кончики пальцев обеих рук и задумчиво уставился прямо перед собой.

– Интересная складывается картина. Король Таннат умирает в своей собственной постели, а в Изумрудном дворце появляется новая фаворитка Адалина Ришель, чьи родители и брат погибли незадолго до его смерти. Стефан обыскивает приближенных Фредерика Ришель,

а сама Адалина планирует побег. Теперь Стефан из раза в раз переносит дату коронации, придумывая все новые причины, а в городе зреют недовольства.

– И давайте не забывать, что Стефан был близок с покойным принцем Артуром, – добавила Флоренс, давно позабыв про карту.

Упоминание брата отозвалось в груди Тристана тупой болью, и он с трудом подавил тяжелый вздох.

– Мы должны разобраться, что здесь происходит, – сказал он. – Кристин, с тебя довольно, еще пару дней в Аталасе, и ты начнешь бросаться на людей.

– Полегче, братец, – ехидно ответила Кристин. – Ты будешь первым, на кого я наброшусь.

Тристан проигнорировал ее выпад.

– Отправляйся в Фортис и, ради Единого, постарайся наладить дружеские отношения с Ароном. Флоренс, а ты продолжай искать любые сведения о моих несостоявшихся убийцах.

Флоренс послушно кивнула, и Тристан одарил ее благодарной улыбкой. Хоть кто-то не нервировал его и понимал с полуслова.

– Изи, ты останешься со мной.

Изекиль бросил быстрый взгляд на Кристин, но та уже торопливо шла в свою комнату, явно не желая задерживаться в Аталасе ни минутой дольше.

Тристан пытался сложить воедино все детали мозаики, но недостающих элементов оказалось слишком много. Были ли связаны между собой смерть короля Танната и Фредерика Ришель? Имел ли Стефан к этому отношение? Почему он откладывал коронацию, если изначально хотел провести ее как можно скорее? Как во всем этом замешана Адалина и что, если не ее, искал Стефан?

В этот момент Тристан чувствовал себя котом, который хотел распустить клубок пряжи, но лишь безнадежно запутался в нитях.

– С чего планируете начать поиски? – спросил Изекиль.

Тристан даже не заметил, что они остались вдвоем. Из соседней комнаты, где Флоренс и Кристин собирали вещи, доносился шелест одежды и скрип половиц.

– Сегодня увижусь с Ларри – он стражник при Изумрудном дворце. Надеюсь, с последней нашей встречи он сумел нарыть ценных сведений.

– Какие приказы будут для меня?

– Отправляйся к лорду Амрону, передай ему, что пришло время выплатить долг «Черной розе».

Лорд Амрон занимал пост главного судьи Запада, но эта должность досталась ему благодаря услугам гильдии. Шпионы «Черной розы» раздобыли для лорда Амрона компромат на его предшественника, и тот отправился в темницу за коррупцию и кражу в крупных размерах из королевской казны. Амрон предлагал за услугу баснословные деньги, но Тристан в них не нуждался. Ему нужно было нечто более ценное. Поэтому через своих людей передал лорду, что потребует плату, когда настанет подходящее время.

И вот оно пришло.

– Что потребуете в уплату долга?

– Всю подноготную семьи Ришель. Не верю, что Стефан захотел заполучить Адалину только из-за ее наследства. Уверен, эта пташка хранит куда больше секретов, чем я предполагал. Она все еще в доме, где они с Изобель остановились?

– Да, они не покинули Аталас, как планировали. – Изекиль поднялся с табурета. – Да, кстати, вам послание от Изобель. Ну или от леди Адалины. Записка запечатана, я не вскрывал.

Тристан подавил отчаянное желание вырвать сверток из его рук. Дождался, пока Изекиль положит записку на стол, и только потом распечатал ее – нарочито медленными движениями, словно ему вовсе было не интересно. Сообщение было написано аккуратным мелким почерком, который явно не принадлежал Изобель.

Мы пообещали больше никогда не встречаться, но мне нужна твоя помощь. Точнее, помощь гильдии.

Жду тебя в воскресенье на закате возле булочной на углу Горбатого переулка. Услуга за услугу, взамен я расскажу, почему на самом деле Стефан откладывает коронацию.

– А. Р.

Тристан перечитал записку дважды, чувствуя гордость за юную интриганку. Она хорошо запомнила его урок, данный много лет назад, и преподнесла свою просьбу как взаимовыгодное предложение.

– Что там? – спросил Изекиль, когда Тристан, влекомый необъяснимым порывом, спрятал клочок бумаги во внутреннем кармане камзола и вернулся к стопке на столе.

– Адалина просит о встрече.

– Пойдете сами или отправите кого-то?

– Сам.

Тристан уже хотел спровадить Изекиля, но вдруг замер, сжимая в пальцах свиток пергамента, на котором дорогими алыми чернилами было выведено послание денийским шифром. Он отличался особой комбинацией букв, символов и цифр, так что читать его могли немногие, а главный секрет заключался в том, что он строился на основе какой-то книги. Так знатные господа и передавали друг другу тайные сведения. Письма особой важности члены «Черной розы» засекречивали с помощью книг, которые выбирал сам Тристан. Каждые три месяца они менялись: то были и скучные исторические справочники, и научные трактаты, и религиозные догмы, и вульгарные любовные романы, и даже детские сказки.

– Изи, у меня для тебя срочное задание.

– Я только что вернулся со срочного задания, на котором надо мной разве что не надругались, – вспыхнул он. – Я хочу спать.

На протяжении долгих лет Изекиль служил Тристану верой и правдой, а один раз даже спас ему жизнь. Именно поэтому Тристан позволял верному помощнику общаться с ним на равных, но сейчас был не в том настроении, чтобы поддерживать шутливую перепалку.

– Изекиль, ты тотчас потащишь свою исцарапанную задницу туда, куда я скажу. У нас заказ из Изумрудного дворца.

– Что за заказ? Отыскать леди Адалину?

– Это ты и выяснишь.

Когда Тристан протянул ему тайное послание, Изекиль быстро взглянул на шифр и выгнул бровь. Не зря он столько лет был третьим по значимости лицом в гильдии. Он сразу обо всем догадался. Чернила с красителем считались на вес золота, и использовали их лишь в особых случаях. А король Стефан любил писать красными чернилами. Это стало его фирменным знаком, над которым некоторые даже посмеивались за спиной новоиспеченного короля.

– Думаете, это Стефан или кто-то из его свиты?

– Разберешься. Книга у Кристин. Только прошу, будь вежливым мальчиком. Иначе она добавит царапин твоей симпатичной мордашке.

Изекиль фыркнул, будто сама мысль, что она расцарапает его лицо, приносила удовольствие. Он направился в комнату, которую занимали девушки, а Тристан задумчиво уставился в окно. До заката оставалось три часа, а ему уже не терпелось узнать, что задумала Адалина и какие опасности сулит их встреча.

Глава 7

Горбатый переулок носил свое название не просто так. Он начинался на небольшом возвышении, на верхушке «горба», и заканчивался на покатом склоне. Там на углу и находилась булочная, где назначила встречу Адалина.

Ноздри Тристана защекотал аромат ореховых рогаликов, как только он завернул в конец переулка. Здесь было многолюдно, потому что поблизости располагался театр для простых горожан и люди торопились на воскресное представление. Тристан обошел толпу детей, игравших прямо на дороге, – кареты и повозки заезжали сюда нечасто. Он вглядывался в лица прохожих, пытаясь найти среди них Адалину. У булочной стояла лишь пожилая старушка, считавшая медные монетки трясущимся тонким пальцем. Она украдкой поглядывала на связку румяных баранок и печально вздыхала, а потом снова приближала к глазам скрюченную ладонь и пересчитывала монеты, которых явно не хватало на покупку свежей выпечки.

Тристан, облаченный в неприметную серую рубаху и темные поношенные штаны, порылся в карманах и достал несколько монет. Дождался, когда его обступит группа горожан, торопившихся в театр, и вместе с ними прошагал мимо булочной. Когда они поравнялись с опечаленной старушкой, Тристан быстро вложил в сухую, как труха, ладонь все имевшиеся у него монеты и скрылся в толпе.

Только оставив булочную далеко позади, он увидел Адалину. Она сидела на нижней ветке огромного старого дуба, росшего на пересечении Горбатого переулка и Ракитной улицы. Никто бы не признал в этой милой девушке вульгарную, надменную и истеричную фаворитку короля. Сейчас она была одета в простое коричневое платье с белыми рюшами на воротнике и в такой же белый передник с большими карманами, а волосы собрала в два тугих пучка, которые смешно торчали как звериные ушки. Она с аппетитом жевала булочку с маком и болтала ногами так, что грубые деревянные башмаки грозились вот-вот слететь с изящных ступней и угодить в голову кому-то из прохожих.

Адалина не сводила взгляда с Тристана, а когда он наконец-то заметил ее, то помахала ему. Вот так просто. Словно они были старыми приятелями и просто решили встретиться в погожий воскресный вечер, чтобы поболтать о жизни.

Тристан хмыкнул, снисходительно покачав головой, и направился к старому дубу.

– Давно за мной следишь? – спросил он, щурясь из-за лучей закатного солнца, которые проворно скользили по его лицу.

– Мгм, – промычала Адалина с набитым ртом, а потом, прожевав булку, продолжила: – Видела твой жест милосердия. Бедная старушка чуть в обморок не упала, когда ты подкинул ей монет. Надеюсь, не золотых. Она их небось в глаза не видела, так бедняжку и до смерти довести можно.

– Принимаешь меня за идиота?

Тристан засунул руки в карманы и вальяжно прислонился плечом к стволу дерева. Он задрал голову и бесстыдно любовался стройными ножками Адалины, которые не скрывал свободный подол платья.

Будто прочитав его грязные мысли, Адалина бросила ему в голову кусок мякиша.

– Лезь на дерево, извращенец.

Тристан фыркнул от смеха, смахнул хлебные крошки с волос и с легкостью взобрался на толстую ветку, на которой сидела Адалина.

– Здесь нас все видят, – озвучил он очевидный факт.

– В этом весь фокус. По словам Изобель, это излюбленное место городских парочек. Мы как на ладони у прохожих, поэтому никто не будет смотреть на нас с осуждением, ведь ничем постыдным мы заняться не сможем. Даже поцеловаться без свидетелей здесь нельзя.

Зато никто не подслушает. – Адалина протянула булку Тристану и с невинной улыбкой спросила: – Будешь?

Тристан наклонился и откусил от сладкой выпечки, щедро сдобренной маковой начинкой.

– Не знал, что ты сладкоежка, – сказал он, слизнув крошки с губ.

Адалина задумчиво отщипнула кусочек и раскрошила мякиш на землю. К основанию дуба тут же слетелись бойкие воробьи и наглые голуби и стали искать крошки в траве.

– Мама запрещала мне есть мучное и сладкое, все боялась, что я располнею и меня не возьмет в жены какой-нибудь толстый «денежный мешок» вроде лорда Агелара. Но мы часто тайком сбегали в город с Эмильеном, моим младшим братом. – Адалина мечтательно улыбнулась, наблюдая, как птички боролись за хлебные крошки. – Ты когда-нибудь бывал в пекарне на Центральном рынке?

Тристан покачал головой.

– Там самые вкусные маковые рулеты! Даже слуги из Изумрудного дворца приходят туда и покупают выпечку для королевской семьи и свиты. Я бы все на свете отдала, чтобы еще разок прогуляться между торговыми лавками и съесть горячий рулет с маковой начинкой. – Она встряхнула головой и натянуто улыбнулась. – Но в этой булочной тоже неплохая сдоба.

Адалина протянула булочку Тристану так непринужденно, будто они каждый день сидели вот так, на ветке дерева, и делили одну сладость на двоих. Тристан откусил большой кусок, случайно коснувшись губами ее пальцев, и намеренно замер. Но Адалина не убрала руку. Ее смущение выдавала лишь мимолетная дрожь. Тристан лизнул кончиком языка подушечку ее пальца и только потом отстранился.

– Что мешает сходить на Центральный рынок? – спросил он как ни в чем не бывало. – В таком наряде тебя вряд ли кто-то узнает.

– Ты не слушал? Я же сказала, что в ту пекарню часто наведываются слуги Изумрудного дворца, вдруг кто-то из них узнает меня без дурацкого парика и грима? Я не могу так рисковать.

Тристан многозначительно выгнул бровь.

– А что насчет твоего *рискованного* решения задержаться в Аталасе? Городские ворота уже закрыли. Почему ты не уехала сразу?

Доев булочку, Адалина начала губами собирать с кончиков пальцев остатки сахара и мака. Когда дошла до среднего, который совсем недавно облизнул Тристан, она замерла, но, поймав его нахальный взгляд, приосанилась. Вызывающе посмотрела ему в глаза и медленно провела по пальцу языком.

Тристан, не отрываясь, наблюдал за ней. Даже с этой дурацкой прической Адалина была хороша собой и знала это. Бессовестно пользовалась своей красотой.

– Дорогуша, не пытайся меня соблазнить, мое внимание слишком дорого стоит – вовек не расплатишься.

– А я слышала, что вы настолько падки на женщин, принц Тристан, что готовы залезть под юбку к любой, кто поманит пальчиком.

– Во-первых, слухи врут, и кому, как не вам, леди Адалина, это знать. Во-вторых, я лезу под юбку лишь в тех случаях, когда женщина мне нравится или если связь с ней очень выгодна. А в-третьих, забудьте пока мое имя и зовите меня Крис. Как я могу к вам обращаться?

Адалина на мгновение задумалась, постукивая пальцем по подбородку.

– Трис… Крис… – пробормотала она себе под нос. – Адалина… Лина! Зовите меня Лина, – заявила она с таким энтузиазмом, будто они затеяли увлекательную игру.

– Хорошо, Лина. Почему ты осталась в Аталасе и зачем тебе нужен я?

– Мне нужно разыскать человека по имени Бернард Этир.

Тристан мысленно перебрал знатные фамилии Аталаса, но такой вспомнить не мог.

– Ты знаешь этого человека?

– Нет.

– У тебя есть о нем еще сведения, кроме имени?

Адалина поджала губы и покачала головой.

– Да уж, задача не из легких. Почему я должен тебе помочь? – Тристан настороженно прищурился. – Из прошлого нашего сотрудничества ты должна была усвоить, что деньги меня мало интересуют. Мне нужно нечто большее, чтобы я согласился на такую сомнительную авантюру.

Адалина закинула ногу на ногу и сложила руки на коленке. Она держалась с такой грацией и непринужденностью, словно сидела не на извилистой ветке, а на мягком бархатном пуфике.

– Я ведь написала, что мне известно, что именно ищет Стефан.

В этот момент Тристан решил выставить себя простофилей, чтобы выведать у Адалины побольше сведений. Он раздраженно цокнул и махнул рукой, отгоняя невидимых мух.

– Ты совсем меня за дурака принимаешь? Он ищет тебя.

Адалина раздосадовано покачала головой.

– Крис, – она выделила фальшивое имя особой интонацией, – я не считаю тебя дураком и именно по этой причине предлагаю взамен на твою помощь информацию. Ты прекрасно знаешь, что Стефан ищет не только меня, но и кое-что еще. Более важное и ценное для него.

Солнце почти скрылось за домами, и Горбатый переулок утопал в красноватом закатном зареве. Представление в театре уже началось, и людей на улице почти не осталось. Тристан прислушивался к дыханию Адалины, размеренному и спокойному, и гадал, как много тайн Стефана она знает. Как сильно замешана в них сама?

– Я помогу найти этого загадочного Этира. Но ты расскажешь мне не только о том, что ищет Стефан. Ты поведаешь обо всем, что знаешь о своем любовнике.

Адалина вздрогнула. Так резко и неожиданно, что потеряла равновесие и едва не свалилась с ветки, но Тристан быстро среагировал и, схватив ее за талию, прижал к себе. Адалина словно растеряла всю спесь и несколько мгновений выглядела такой напуганной, сбитой с толку и, казалось, чем-то обиженной.

– Он мне не любовник, – сквозь стиснутые зубы процедила она и сдула с лица выбившуюся из прически прядь.

– Ты больше полугода была его фавориткой. Хочешь сказать, за это время не посещала его покои?

Тристан еще крепче прижал ее к себе и, подцепив пальцем непослушный локон, заправил ей за ухо. Адалина не сопротивлялась, не пыталась отстраниться, лишь тяжело дышала, так что ее грудь вздымалась и соприкасалась с грудью Тристана.

– Осуждаешь меня? – с горечью спросила она, но, осознав, что выдала свои истинные чувства, быстро натянула маску надменного равнодушия. Правда, Тристана ее актерская игра не впечатлила. Только отозвалась знакомой болью.

– Не мне, Порочному принцу, кого-то судить, маленькая Адалина. Меня не волнует, в чьих покоях ты была, кому дарила тело и для кого хранишь сердце. Все, что мне от тебя нужно, – это взаимопомощь.

Адалина отстранилась. Ее челюсть напряглась, будто своими словами он задел ее за живое.

– Хорошо, я согласна. Но мне тоже нужны гарантии, я не могу просто довериться тебе и выложить все, что знаю.

Тристан понимающе кивнул.

– Давай поступим так. Ты будешь делиться ценными сведениями постепенно. Каждая зацепка в поисках Бернарда Этира будет стоить одного твоего секрета. Договорились?

– Договорились, – после недолгих раздумий согласилась Адалина. Она уже собиралась слезть с дерева, как вдруг Тристан схватил ее за локоть.

– Плати аванс, дорогуша. – Он одарил ее своей самой вальяжной улыбочкой, от которой женщины готовы были бросить к его ногам белье, а мужчины впадали в бешенство.

Адалина тяжело вздохнула и демонстративно обхватила пальцами его запястье, чтобы убрать от себя.

– Перстень «Сердце Запада». Вот что ищет Стефан. И вот почему откладывает коронацию.

Глава 8

После отъезда Кристин и Флоренс во временной обители Тристана стало непривычно тихо. Ему не хватало постоянных ворчаний Кристин и непоколебимого спокойствия Флоренс. Изекиль целыми днями, а то и ночами пропадал по делам гильдии, поэтому Тристан чаще всего оставался один. Флоренс успела собрать по его поручению сведения о Ришель, и он погрузился в изучение истории одной из самых влиятельных семей Аталаса.

Отец Адалины, Фредерик Ришель, занимал пост главного советника короля более двадцати лет и первое время жил в Изумрудном дворце вместе с женой и старшей дочерью. Адалине только исполнилось двенадцать, когда они вернулись в родовое поместье Ришель, находившееся на окраине города и занимавшее обширные территории с полями и лесами. Фредерик был очень богат, а его личная армия по мощи могла сравниться лишь с королевской гвардией.

Таннат поддерживал с ним довольно близкие, дружеские отношения и доверял ему. Но Стефан, в отличие от своего отца, не разделял симпатии к Ришель и видел в них угрозу для короны. Поэтому, когда началась передача власти от отца к сыну, отстранил лорда Ришель от должности главного советника, объясняя свое решение тем, что закоснелому Королевскому совету нужна свежая кровь. Такой дерзкий поступок должен был оскорбить чопорного лорда, но он продолжал упорно работать на благо королевства, довольствуясь титулом простого советника.

Однако за месяц до смерти короля Танната семью Ришель постигло ужасное несчастье. Фредерик, его супруга и сын погибли при пожаре, случившимся в летней резиденции. Их дочь в тот роковой день гостила у тетушки по материнской линии. После гибели родных Адалина, известная всему Аталасу скандальной репутацией распутной, вульгарной девицы, пропала. Вся знать Аталаса гадала, куда подевалась наследница рода Ришель, и даже строила безумные теории, что именно она подстроила пожар, чтобы прибрать к рукам богатство отца.

Флоренс удалось найти ответ и на этот вопрос.

Целый месяц Адалина жила в тайной резиденции Стефана и только после смерти Танната перебралась в Изумрудный дворец, где новоиспеченный король объявил ее своей фавориткой.

Тристан просматривал записи, сделанные витиеватым почерком Флоренс, и покачивал в руках бокал с вином. Терпкий виноградный аромат действовал на него умиротворяюще, но он не торопился пить любимый напиток. Лишь время от времени подносил бокал ко рту и смачивал губы – старая привычка, благодаря которой он заработал себе репутацию беспросветного пьяницы.

Гости на балах и светских раутах видели, что он постоянно прикладывается к бокалу, а потом разносили всюду сплетни, что принц Юга лакает вино бочками. Тристан никогда не опровергал слухи, наоборот, поддерживал навязанный обществом образ. Часто притворялся вусмерть пьяным и таким образом выведал множество секретов у самоуверенных идиотов, которые искренне думали, что на следующий день Порочный принц даже не вспомнит, о чем трепались при нем их длинные языки.

Тристан отбросил исписанные листы.

– Не сходится, – пробормотал он себе под нос, размышляя над прочитанным.

Все в истории семьи Ришель казалось ему странным. По сведениям, пожар в резиденции начался из-за огня в камине, искры которого попали на ковер. Из-за невнимательности слуг сгорел целый дом, словно он был построен из соломы.

– Какой-то бред.

Он нахмурился и задумчиво прикусил кончик большого пальца. Он осознавал, что смерть лорда Ришель и его семьи вовсе не была трагичной случайностью.

Его мысли прервал Изекиль, бесшумно вошедший в дом, словно тень.

– Господин.

– Прочти и скажи, что тебя смущает, – вместо приветствия сказал Тристан и подвинул к краю стола листки с записями.

Изекиль пересек комнату и опустился в старое кресло, которое жалобно застонало под его весом. Он быстро пробежался глазами по строчкам и выгнул темную бровь.

– Что делал лорд Ришель в летней резиденции в начале весны? – спросил Изекиль.

– Дальше, – задумчиво произнес Тристан и пригубил вино.

– И как никто не почувствовал запаха гари? – продолжал сыпать вопросами Изекиль. – Или все слуги и стражники уснули? Если так, то где другие пострадавшие? По отчетам городской гвардии, в сгоревшем доме нашли только три тела. Где же прислуга? Неужели они выбрались из горящего дома и даже не потрудились помочь семье господина?

Тристан поставил бокал на стол с тихим стуком и наконец посмотрел на Изекиля.

– Слишком очевидные несостыковки, на которые все дружно закрыли глаза. Не находишь это странным?

Изекиль кивнул.

– Что-то мне подсказывает, что судье и городской гвардии глаза закрыли золотыми монетами, – задумчиво произнес он.

– А что до нашей пташки? Жертва она или соучастница?

– Склоняюсь к первому варианту. Мои люди встретились с заказчиком из Изумрудного дворца. Это Орион, страж леди Адалины.

Тристан встал с кресла, достал из буфета бокал и, поставив его перед Изекилем, налил вина. Такой жест в отношении подчиненного многих бы шокировал, но Изи и Фло давно стали для Тристана частью семьи.

Изекиль благодарно кивнул и обхватил длинными пальцами изящную ножку бокала. Он сделал неторопливый глоток, чтобы распробовать терпкий вкус с пряными нотками, и слегка улыбнулся уголками губ.

– Дахабское.

– Да. Кристин подарила перед отъездом. И знаешь, что она сказала?

– Дайте угадаю. – Улыбка Изекиля стала еще шире. – «Не смей угощать это седовласое чучело. Ему впору пить деревенское пойло в замызганной таверне, а не изысканное вино тридцатилетней выдержки», я прав?

– Как ты угадал? – хмыкнул Тристан, возвращаясь на место за столом. – Правда в словах Кристин было гораздо больше… эпитетов.

– Она прекрасно знает, что дахабское вино мое любимое.

Тристан коротко усмехнулся.

– А еще она знает, что я к нему равнодушен и отдаю предпочтение арденийскому. – Он бросил на Изекиля многозначительный взгляд, а потом резко сменил тему: – Какой заказ сделал этот остолоп Орион? Найти Адалину?

Искорки веселья, до этого мелькавшие в зеленых глазах Изекиля, потухли, а пальцы, в которых он сжимал бокал, напряглись.

– Да. Живой или мертвой.

По спине Тристана прокатился неприятный холодок, словно ему за ворот насыпали колотого льда.

– Какую плату предлагает Стефан?

– На эти деньги вы сможете целиком выкупить Изумрудный дворец. Однако, помимо щедрого вознаграждения, он выдвинул условие.

Тристан вопросительно приподнял бровь. Никто никогда не ставил условия «Черной розе». «Гильдия никому не служит» – это был один из постулатов, которого они придерживались.

– Король Стефан передал, что если его заказ не будет выполнен, то он найдет всех членов гильдии, начиная от мелких сошек и заканчивая главарем, и вздернет всех.

Тристан тяжело вздохнул и закатил глаза.

– Таким пафосом даже Артур не страдал, пусть Единый упокоит его душу.

– Какие будут дальнейшие приказы? – спросил Изекиль, прекрасно зная, что он скорее язык проглотит, чем будет помогать Стефану.

– Тебе снова придется перебраться на тахту в моей комнате.

Изекиль раздосадованно цокнул. Тристан мог бы снять побольше комнат, но это привлекло бы лишнее внимание, а он не хотел рисковать.

– Не нравится тахта – спи на полу в гостиной.

– Кто займет вторую спальню?

Тристан прислонился затылком к спинке кресла, запрокинув голову, и уставился в серый потолок, на котором искусным кружевом раскинулась сеть паутины.

– Адалина и Изобель. В Аталасе для них небезопасно, люди Стефана найдут их даже в бедном районе, где они укрылись.

– Почему нельзя приставить к ним охрану?

– Потому что я не доверяю Адалине. Она слишком много всего скрывает. И пока я не докопаюсь до истины, будет спокойнее держать ее в поле зрения.

– Могу сегодня отправиться за ними.

Изекиль поднялся из-за стола, но Тристан жестом остановил его.

– Нет, я сам, но не предупреждай Изобель о моем визите. Пусть для Адалины это станет сюрпризом.

Молчание Изекиля было настолько красноречивым, что Тристану захотелось запустить в него чем-нибудь тяжелым.

– Иди уже, – процедил он и снова схватил лежавшие на столе записи.

«Какие еще секреты ты хранишь, маленькая Адалина?» – мысленно вопрошал он, прожигая взглядом выведенное аккуратным почерком имя, грозившее стать его проклятьем.

Глава 9

Адалина проспала почти до обеда. Дни в бедной комнатушке тянулись мучительно медленно, и она не знала, чем себя занять. Покидать дом было слишком опасно, поскольку королевские гвардейцы патрулировали каждую улицу Аталаса и допрашивали горожан, пытаясь найти ее. Даже Изобель вела себя осторожно и старалась не попадаться им на глаза, ведь в ней могли признать верную служанку фаворитки короля.

Адалина на судьбу не жаловалась. Ела все, что готовила Изобель, безропотно носила одежду, сшитую из грубой ткани, от которой чесалось и потело все тело. Даже научилась самостоятельно доставать воду из колодца и разогревать ее, чтобы помыться. Изобель сетовала, что госпожа натрет на руках грубые мозоли и станет походить на простолюдинку, но Адалина неизменно отвечала, что леди Ришель, этой взбалмошной аристократки, больше не существует. Осталась просто Лина.

И она не чуралась грязной работы. Помогала Изобель мыть полы, штопать одежду и чистить картофель, а однажды вызвалась потрошить рыбу. Но в одной крохотной комнате, объединенной с кухней, работы было не так много для двоих, поэтому Адалина чаще всего спала.

Ночами она ворочалась на кровати, пытаясь уснуть, из-за чего часто выслушивала ворчливые упреки уставшей за день служанки. Ее одолевал страх перед неизвестностью, а в голове неустанно прокручивались письмо отца, мысли о загадочном Бернарде Этире, погибшей семье, Стефане, который наверняка сходил с ума от злости на нее и придумывал жесточайшие наказания, уверенный, что обязательно ее разыщет.

Но были еще другие мысли, которые она упорно старалась прогнать, чтобы зря не тревожить сердце, но после недавней встречи они преследовали ее и бурным потоком врывались в сознание, стоило ей просто закрыть глаза.

«Не смей, дура! Тебе не до этого!» – корила она саму себя.

Вот и сейчас, лежа на узкой неудобной кровати с прохудившимся матрасом, она не скупилась на отборную ругань в свой адрес, потому что увидела сон, заставивший ее сердце колотиться громче городского колокола. У нее взмокли ладони, а щеки, наоборот, горели, как после быстрого бега.

Адалина выпуталась из-под тонкой простыни (она в первую же ночь отказалась спать под одеялом, поскольку в комнате было довольно жарко) и встала с кровати, чтобы попить воды. Солнце уже поднялось высоко над горизонтом, и проворные лучи затопили золотистым светом все вокруг и нагрели графин. Сделав глоток противно теплой воды, Адалина поморщилась и уставилась на свою руку. На безымянном пальце был сломан ноготь после лазанья по дереву.

Она вспомнила, как сидела на толстой ветке, жуя сладкую булочку, разглядывала прохожих и наслаждалась чувством свободы. Вспомнила разговор с Тристаном, который, как и всегда, вел себя слишком непринужденно, острил, шутил, подначивал ее на словесные перепалки и дразнил намеренными прикосновениями и откровенными взглядами.

Зажмурившись, Адалина допила воду в стакане и тряхнула головой, отчего растрепанная коса, из которой за ночь выскользнула лента, совсем распустилась, и длинные локоны заструились по плечам и груди.

– Скорей бы уже покинуть это место, – с досадой произнесла она и внезапно услышала шаги.

«Это не Изобель», – мысленно отметила Адалина, и от волнения выпитая вода упала в желудок острым камнем.

Шаги были тяжелыми, размашистыми. Мужскими.

Адалина оглянулась на платье, висевшее на спинке стула, но быстро отбросила мысль об одежде. Пока она будет переодеваться, незваный гость доберется до комнаты. Но что ей тогда

делать? Окно было таким маленьким, что она не пролезла бы через него. Сточной трубы, по которой она могла бы спуститься, тоже не имелось, а прыгать со второго этажа было слишком опасно. Спрятаться тоже негде. Оставалось лишь одно.

Адалина выхватила из-под подушки кинжал и выставила перед собой аккурат в тот момент, когда дверь со скрипом отворилась.

– Да чтоб меня так каждый день приветствовали. – Тристан многозначительно присвистнул, бесстыдно изучая ее сорочку на тонких лямках, едва доходившую до колен.

Адалина с облегчением выдохнула и опустила кинжал. Ее рука заметно подрагивала, а ладони стали неприятно липкими от пота.

Не дожидаясь приглашения, Тристан прошел в комнату и уселся на ближайший табурет.

– В следующий раз хватайся не за кинжал, а за утварь. Сомневаюсь, что леди вроде тебя умеет драться, а вот ударить по голове глиняным горшком способен даже ребенок.

– Отвернись и дай мне одеться, иначе последую совету и врежу горшком по твоей наглой роже. – Адалина выругалась совсем не как леди и направилась к стулу с платьем. – Какая нечисть тебя сюда принесла?

– Я бы сказал, что соскучился, но в последнее время мы так часто видимся, что я исчерпал запас дружелюбия. Меня привело дело.

Тристан повернулся к ней широкой спиной, и Адалина начала надевать коричневое платье, которое уже успело набить оскомину.

Она любила красивую одежду. Не то вульгарное уродство, в которое ее наряжала мать, а потом и Стефан. Ее слабостью всегда были изящные платья из шелка и парчи, украшенные заморским кружевом и драгоценными камнями; расшитые искусными рукодельницами шляпки и бархатные туфельки.

Перед побегом Изобель вынесла из Изумрудного дворца целый сундук с украшениями, которые Адалина собиралась распродать, как только покинет королевство, чтобы обеспечить себе жизнь в достатке. Одна только мысль о том, что придется расстаться с роскошью, навевала на нее тоску. Но это не такая уж высокая плата за долгожданную свободу.

Адалина принюхалась к ткани и скривила лицо. От платья пахло мясным рагу, которое прошлым вечером она помогала готовить Изобель. И хотя перед сном Адалина постирала его куском травяного мыла, запах до конца не выветрился. *«Надо было прихватить с собой маленький флакон духов»,* – раздосадованно подумала она, натягивая платье.

– Ты нашел что-то про Бернарда Этира?

– Нашел. Пришлось даже пробраться в королевские архивы. Я все не мог вспомнить такую фамилию среди знати Запада, и мои догадки подтвердились. Этиры принадлежат к простолюдинам. Фамилия не очень распространенная, но таких семейств немало, живут в основном в восточной части королевства. Судя по переписи десятилетней давности – более ранних сведений нет, – на тот момент в стране проживало пять Бернардов Этиров. Который из них наш, доподлинно неизвестно, так что будем искать всех. Ты закончила? Я не привык разговаривать со стеной. Можно повернуться?

У Адалины затекли руки, пока она пыталась застегнуть пуговицы на спине платья. Она тихо выругалась, а потом, раздраженная собственной беспомощностью, посмотрела на Тристана.

– Поможешь мне застегнуть платье?

Тристан оживился и обернулся, одарив ее плутовской улыбкой.

– О, в этом я мастер, дорогуша. Хотя по части раздевания опыта у меня все же больше.

Адалина чуть не застонала от негодования.

– Избавь меня от мерзких подробностей своих похождений.

Она брезгливо дернула губой и, когда Тристан подошел ближе, повернулась к нему спиной. Он осторожно откинул волосы ей на грудь, слегка коснувшись подушечками пальцев оголенной шеи, и Адалина вздрогнула.

– Какая бурная реакция на мои прикосновения, – промурлыкал он ей на ухо.

– У тебя пальцы холодные, ты в колодец нырял, что ли? На улице духота, – сказала Адалина, стараясь дышать ровно и больше не дрожать перед ним подобно невинной овечке.

– Мне погреть руки над огнем, чтобы тебе было приятнее?

– Помоги мне застегнуть платье и проваливай, – начала закипать Адалина.

– Ну уж нет, за информацию ты должна мне плату, как мы и договаривались.

Он застегивал пуговицы так медленно, будто издеваясь над ней, и каждый раз намеренно задевал пальцами кожу. Его дыхание, горячее и с ароматом вишни, опаляло ее плечо.

– У тебя мурашки на коже, – прошептал он, едва задевая губами мочку ее уха.

– Это от брезгливости, – ответила она, мысленно проклиная тело за такую реакцию.

Тристан усмехнулся, застегнул наконец последнюю пуговицу и отступил. Адалина сделала три шага в сторону окна. Она сделала бы бесконечное множество шагов, лишь бы оказаться подальше от Порочного принца, но маленькая комната не позволяла такой роскоши.

– Какую плату ты хочешь? – спросила она ровным тоном, и одному Единому было известно, каких усилий ей стоило скрыть эмоции.

Тристан вмиг посуровел. Он сел на табурет и смерил ее таким взглядом, что Адалине стало не по себе. В его глазах царила сама тьма.

– Как погибли твои родители?

Адалина не разрывала зрительный контакт. Продолжала смотреть прямо на него и молилась, чтобы ничто не выдало ее волнения.

– В пожаре.

– Это был несчастный случай?

Она уже хотела кивнуть, но тут Тристан выставил перед собой указательный палец, призывая ее молчать.

– Прежде чем ответить, хорошенько подумай, кто тебе нужен: враг в моем лице или союзник. Я могу стать и тем и другим.

Адалина медленно прошла к столику на трех ножках, служившему ей трельяжем, взяла гребень и начала расчесывать волосы. Она хотела чем-то занять себя, чтобы успокоиться.

– Нет, – после недолгих раздумий сказала она. – Это не был несчастный случай. Но больше я ничего тебе не расскажу. Пока.

Она хотела верить Тристану, но не могла. Годы жизни среди аталасской знати научили ее никому не доверять. Даже тем, кому очень хотелось открыться.

Черты красивого лица Тристана смягчились, но он оставался серьезен.

– Умница. Теперь перейдем к другой важной теме. Недавно в гильдию поступил жирный заказ. Догадываешься, какой именно и от кого?

Адалина присела на край столика, продолжая сжимать гребень.

– Стефан?

– Да, он отправил к моим людям твоего надзирателя Ориона. Предлагает баснословную сумму за твою поимку.

Адалина напряглась. Чем она могла перекрыть предложение Стефана? Ей это вряд ли удастся, даже если она продаст все свои украшения.

Заметив ее замешательство, Тристан встал с табурета и медленно подошел к ней. Схватился обеими руками за край стола, заключая Адалину в ловушку, и приблизил к ней лицо, будто собирался поцеловать. Она до боли в суставах сжала гребень, прикидывая в уме, как лучше поступить: ударить его костяными зубчиками по шее, прямо во впадинку у ключицы,

или же расцарапать глаза? Она склонялась ко второму варианту. Так она выиграет драгоценные мгновения для побега.

– Маленькая Адалина, неужто ты решила, что я стану помогать этому мешку дерьма?

Силки страха, сдавившие грудь, слегка ослабли, но не выпустили полностью из своей хватки.

– Откуда мне знать, каковы твои помыслы? Ты мог и передумать, раз щедрое предложение Стефана сумело удивить даже тебя, принца.

– Я ведь говорил, что меня не интересуют деньги, я и без подачек короленыша богат.

– Что же тебя тогда интересует?

Адалина чувствовала волны тепла, исходившие от тела Тристана, почти соприкасавшегося с ее.

Он задумчиво склонил голову набок.

– Женщины, вино и секреты. Что из этого ты готова мне предложить?

– Хочешь, чтобы я стала твоей любовницей? – в недоверии спросила она, и Тристан растянул губы в нахальной улыбке.

– Я возражать не буду, но спать с девушками против их желания не в моих правилах. Ты станешь моей любовницей, только если сама об этом попросишь.

– Тогда что тебе от меня нужно? Как мне склонить тебя на свою сторону и убедить не помогать Стефану? – Адалина не пыталась юлить. От ответа зависела ее жизнь. Или его, если она удачно ударит гребнем ему в глаз, а потом доберется до кинжала и вспорет горло. Тристан глубоко ошибался, решив, что она не может за себя постоять.

Усмешка сошла с его лица. Он снова стал суровым и разочарованно покачал головой.

– Адалина, свой выбор я сделал, когда отдал тебе на хранение самую дорогую мне вещь. Честь «Черной розы» не продается. Я дал обещание помочь, и я его выполню. Ты веришь мне?

Она давно забыла, каково это – доверять кому-то, чувствовать защищенность и поддержку, но у нее не было иного выбора. По крайней мере, сейчас.

Адалина коротко кивнула, глядя в темные глаза, в которых не сумела отыскать ни капельки лжи и фальши. Тристан отстранился, и она беззвучно выдохнула. Расслабила ладонь, в которой до онемения сжимала гребень, и к кончикам пальцев сразу же устремилось неприятное покалывание.

– Что нам делать дальше? – спросила она, прерывая неловкое молчание.

– Собирай вещи, нас ждет карета через улицу отсюда.

– Что? – изумилась она. – Зачем? Здесь безопасно.

– Думаешь, Стефан обратился только к «Черной розе»? – угрожающе тихо сказал Тристан. – Держу пари, он поднял на уши всех ищеек Запада. В безопасности ты окажешься, только когда покинешь королевство и желательно Великий Материк. А пока ты здесь, будешь у меня на виду.

Адалина открывала и закрывала рот, словно выброшенная на берег рыбешка, но не могла придумать разумных доводов, чтобы возразить. Она осмотрела обшарпанную комнату со старой мебелью, грязными стенами и сколотой посудой и, ощутив толику облегчения, направилась к шкафу.

– Чего стоишь как истукан? – Она открыла дверцу и бросила в Тристана холщовую сумку. – Помоги собрать вещи.

Он криво ухмыльнулся и отвесил шутовской поклон.

– Всегда к вашим услугам, миледи.

Глава 10

По настоянию Тристана Адалина и Изобель переехали в дом, в котором он снимал комнаты. Здание находилось в южной части города и не слишком отличалось от того, где несколько дней жила Адалина. Такое же серокаменное безликое строение с крохотными окошками и неприветливыми жильцами. Мебель в комнате, которую Тристан выделил для них с Изобель, выглядела лучше, но все равно далека от той роскоши, к которой она привыкла.

– Почему ты не снял комнаты в нормальном доме? – спросила Адалина, с досадой разглядывая унылый вид ее нового временного жилища. – Сам же кичишься богатством.

– Потому что хорошее, по твоим меркам, жилье можно снять только в районе Вельмож, а там во мне могут узнать покойного принца. Такая броская красота, как у меня, порой усложняет жизнь, знаешь ли, – заявил Тристан с важным видом, развалившись на крохотном диване у окна.

Адалина закатила глаза и прошла к буфету. Ее внимание привлекла бутылка из темно-коричневого стекла. Вынув пробку, она вдохнула терпкий аромат, который мигом заполнил ее легкие. Не спрашивая разрешения у хозяина, она достала из буфета бокал и плеснула туда багровую жидкость.

– Дахабское, – сделав небольшой глоток, сказала Адалина. Она отчетливо чувствовала затылком сверлящий взгляд Тристана, но делала вид, словно ничего не замечает. – Я отдаю предпочтение арденийскому.

Тристан отчего-то рассмеялся. Только она собиралась спросить, почему ее слова вызвали такую реакцию, как в тесную гостиную вошел мужчина.

– Миледи, молю, не споите господина. У гильдии сейчас слишком много хлопот, нам нужен его ясный ум.

Адалина с неприкрытым интересом изучала внешность незнакомца. Высокий, хорошо сложенный, примерно одного возраста с Тристаном, но уже седой. О том, что он был таким не с рождения, свидетельствовала темная прядь, упавшая ему на лоб. Черные ресницы и брови резко контрастировали с молочной белизной волос и приковывали внимание к ярко-зеленым глазам. Что с ним случилось, раз он поседел в столь молодом возрасте?

– Мне было десять, когда я сменил прическу, – с добродушной усмешкой ответил он на ее немой вопрос. – Не самые приятные воспоминания, но если очень уж любопытно, можете спросить у господина.

– Кто вы? – опомнившись, спросила Адалина после недолгой заминки.

– Изекиль Велмор, приемный сын покойной леди Велмор и наследник Рокового утеса. Я помощник принца Тристана. У меня выдался тяжелый день, и если позволите, леди Адалина, то я отправлюсь к себе.

Учтиво склонив голову, он прошел мимо нее в комнату, которую Тристан назвал своей, и закрыл за собой дверь.

– Вы делите одну комнату на двоих?

– Там есть удобная тахта, Изекиль разместился на ней. Свою комнату он освободил для тебя и Изобель.

Адалина нахмурилась.

– Что не так? – спросил он, заметив ее недоумение.

– Ты принц и вот так просто делишь комнату с подчиненным?

– Я – глава шпионской гильдии, Адалина, и поверь, по долгу службы мне приходилось испытывать куда большие неудобства. Тебе напомнить, как я неделю проработал конюхом, только чтобы устроить твой побег?

Адалина прикусила губу и покосилась на закрытую дверь. Любопытство взяло над ней верх, и она на цыпочках приблизилась к Тристану, точно крадущаяся в курятник лиса, и шепотом спросила:

– Что с ним случилось?

Тристан провел языком по внутренней стороне щеки и зачесал короткие пряди назад, хотя они не падали ему на лицо. Очевидно, он никак не мог привыкнуть к коротким волосам.

– Изекиль из семьи деревенских крестьян, – тихо ответил он. – Мать умерла, когда он был совсем младенцем, и его воспитывал отец. Тот был добрым человеком, научил его всему, что умел сам. Изи очень любил его.

– Что произошло? – Адалина догадалась, что Изекиль пережил тяжелую потерю.

Тристан помрачнел.

– Ему было десять, когда они с отцом пошли в лес охотиться на диких уток. Но им не повезло, и они повстречали вепря.

Кожа Адалины покрылась неприятными мурашками, и она обхватила себя руками за плечи, пытаясь защититься от холода, хотя в комнате было жарко. Фредерик Ришель тоже любил охотиться, поэтому она знала, что встреча с вепрями никогда не сулит ничего хорошего.

– Отец помог ему забраться повыше на дерево, но сам укрыться не успел. Вепрь вспорол ему кишки прямо на глазах сына. Изекиль просидел на дереве несколько часов, потому что тварь не желала уходить, и смотрел на изуродованное тело отца. Он не помнит, как выбрался из леса и вернулся домой. Но, увидев себя в отражении воды, обнаружил седину.

Адалине стало дурно из-за буйного воображения, которое подкидывало ей ужасающие картинки, но она быстро справилась с минутной слабостью.

– Это ужасно… – прошептала она полным сочувствия голосом, обернувшись на дверь, за которой скрылся Изекиль.

– Да, – грустно ответил Тристан. – Но на этом испытания Изекиля не закончились. Слухи о смерти его отца быстро распространилась, и через какое-то время в дом нагрянул его троюродный дядя с многодетной семьей. Жили они бедно, еды постоянно не хватало, и добрый родственник решил избавиться от лишнего рта – попытался утопить Изекиля в озере, чтобы обставить все как несчастный случай. Ему чудом удалось спастись. Он сбежал из дома, добрался до Фолка и почти два года промышлял мелким разбоем, кражами и попрошайничеством, пока во время праздничной ярмарки его не заметила леди Велмор – бездетная вдова очень богатого лорда. Ей стало жаль исхудавшего бледного оборванца, поседевшего в столь юном возрасте, и она приютила его. Обучила манерам, дала блестящее образование, а потом и вовсе усыновила, сделав своим единственным наследником.

– А как он оказался в твоей гильдии? – спросила Адалина, до глубины души потрясенная историей Изекиля.

– Это еще одна долгая история, но, если коротко, он спас мне жизнь. Я не всем своим братьям доверяю так, как Изекилю. И, Адалина, мой тебе совет: не жалей его и не выказывай сочувствия, Изи это ненавидит.

Тристан непонятно откуда вытащил свиток пергамента и углубился в чтение, давая понять, что разговор окончен. Не желая показаться навязчивой, Адалина ушла в выделенную для нее с Изобель комнату.

Новая обстановка, новые лица, новая веха в ее судьбе. Адалина умела приспосабливаться к разным обстоятельствам, поэтому, не позволяя себе предаваться унынию, начала разбирать свои вещи в ожидании Изобель. По словам Тристана, ей уже доложили, где находится Адалина.

* * *

С ее побега прошло уже десять дней. Люди Тристана доложили, что Стефан приказал ужесточить контроль на всех границах Запада. Королевские гвардейцы патрулировали каждую улицу Аталаса, проникали в дома горожан и устраивали обыски. Подобная ситуация наверняка обстояла и в других городах королевства.

Адалина почти не виделась ни с Тристаном, ни с Изекилем, хотя они жили под одной крышей. Мужчины постоянно пропадали по делам гильдии: возвращались поздно, когда девушки уже спали, а уходили чаще всего засветло. Адалина поражалась тому, насколько Тристан вовлечен в дела гильдии. Он был не просто главой «Черной розы», а ее мозгом, душой и сердцем. Знал имена всех членов, придумывал пароли, секретные жесты и символы, благодаря которым его люди могли общаться между собой. Был мастером перевоплощений и без страха посещал светские рауты и увеселительные дома для высокородных господ, чтобы найти информацию или встретиться с заказчиками, либо притворялся простолюдином и отправлялся в самые злачные места города. Все считали Тристана Вейланда мертвым, но ни в ком Адалина не видела столько жизни.

Она сама все эти дни изнывала от скуки, сидя в четырех стенах.

– Вы скоро уподобитесь простолюдинке, госпожа, – возмутилась Изобель, когда Адалина всерьез вознамерилась научиться месить тесто. – Вон, гляньте, ваши руки стали совсем как у деревенщины.

– Не преувеличивай, Изобель, они все такие же нежные и красивые, подумаешь, несколько ногтей сломала. Не зубы, отрастут.

Адалина упрямо продолжала вливать в миску с тестом воду, одновременно перемешивая образующуюся кашицу. Она три дня подряд внимательно следила за тем, как служанка пекла хлеб по утрам, и теперь надеялась, что все делает правильно.

– Миледи, зачем вам это? У вас есть я. И признайтесь наконец, что вам не нравится возня на кухне, равно как и уборка. Вы любите красивую одежду и украшения, балы, музыку, рисование.

Адалина вытерла взмокший лоб о плечо, поскольку ладони были испачканы в муке, и продолжила месить тесто с еще большим усердием.

– Да, – честно призналась она. – Я ненавижу эту работу и с радостью предпочла бы просидеть весь день за пианино или за мольбертом. Или лучше блистала бы в центре внимания на пышном балу. Но я не знаю, что за жизнь ждет меня впереди. Я буду последней тупицей, если не подготовлюсь к разным исходам.

– У вас целый сундук фамильных украшений. Вы сможете нанять прислугу в любом уголке мира и жить в достатке до самой старости.

– А если я лишусь этого богатства, Изобель? Что тогда? Чем я буду зарабатывать на жизнь? Музыкой и живописью? Я не настолько талантлива, чтобы прокормить себя. Или прикажешь мне стать блудницей в доме удовольствий и дарить свое тело престарелым ублюдкам? Я сбежала от Стефана, чтобы обрести свободу, а она – штука непредсказуемая. Поэтому… – Адалина вывалила на стол не до конца сформированный ком теста и погрузила в него длинные пальцы. – Разожги печь, пожалуйста.

Изобель не стала перечить и направилась к печи в дальней части кухни. Адалина продолжала вымешивать тесто, пытаясь придать ему более округлую форму.

– У меня есть знакомый пекарь в Фортисе, могу замолвить словечко, чтобы взял тебя в подмастерья, – раздался голос Тристана. Он стоял, привалившись боком к дверному проему, и нахально улыбался.

Адалина от неожиданности вздрогнула и случайно смахнула глиняную миску, в которой недавно разводила муку с водой. Она с грохотом упала на каменный пол и разбилась на части. Несколько мелких осколков отлетело в сторону, и если бы не длинное платье Адалины, то они поранили бы ей ноги.

Увидев Тристана, Изобель поклонилась и удалилась из кухни, когда он многозначительно кивнул в сторону двери.

– Но за такие оплошности в пекарне будут вычитывать из жалованья, – с издевкой произнес он, пальцем указывая на разбитый горшок.

– Нечего было пугать меня, – возмутилась Адалина и присела, чтобы собрать осколки. – Ты что, подслушивал?

– Да.

– Зачем?

– Привычка.

Адалина уже хотела сострить, но от следующего поступка Тристана впала в ступор. Он подошел, опустился на корточки и забрал из ее рук осколки.

– Что ты делаешь?

– Заглаживаю вину. Посуду ты разбила из-за меня, не хочу, чтобы еще и поранилась.

– Какое великодушие, – с сарказмом произнесла она.

– Пусть Тристана Вейланда и считают мертвым, но кое-какие манеры во мне еще живы, – парировал он и, собрав все осколки до единого, выбросил их в мусорное ведро. – Ты часто помогаешь Изобель на кухне?

– Да.

– А я-то думаю, почему у меня в последние дни болит живот. Оказывается, все дело в том, что я ел твою стряпню.

Его веселое настроение действовало ей на нервы. Адалина уже хотела выпрямиться и вернуться к тесту, которое грозило заветриться у открытого окошка, но Тристан вновь сбил ее с толку.

– У тебя мука на лице.

Он коснулся ее щеки и большим пальцем скользнул по скуле. Адалина тут же замерла. Прикосновение было очень нежным, но игривое выражение лица Тристана сменилось на задумчивое, даже печальное.

– На самом деле ты все делаешь правильно, Адалина. Невозможно предсказать, куда нас приведет судьба. Глупо надеяться, что богатство убережет ото всех невзгод.

– А на что надеетесь вы, принц Тристан?

Адалина, не решалась пошевелиться. Тристан поглаживал ее щеку, словно не отдавая отчета своим действиям, и смотрел куда-то сквозь нее.

Опомнившись, он резко убрал руку.

– Мои надежды имеют свойство не оправдываться… Ну или я не оправдываю надежд. Это с какой стороны посмотреть. Поэтому я ни на что не надеюсь, просто живу. – Тристан встал с корточек и протянул руку, помогая ей подняться.

Адалина уже хотела возразить, что жизнь без надежды лишена всякого смысла, но не успела.

На кухню вошел Изекиль, одетый в простую белую рубаху и темные штаны. Волосы его были спрятаны под широкополой соломенной шляпой, какие носили торговцы на рынках, чтобы укрыться от палящего солнца.

– Господин, вы решили попробовать себя в роли пекаря?

– Мало ли, пригодится в жизни или на службе, – ответил Тристан и отошел от стола.

Они обменялись рукопожатиями, и Изекиль даже позволил себе по-братски хлопнуть принца по плечу, а потом поприветствовал Адалину легким поклоном.

– Ты с вестями? – спросил Тристан.

– Да. – Изекиль многозначительно посмотрел на Адалину. – У меня новые сведения о Бернарде Этире. В кои-то веки нам повезло, и первый же Бернард, на которого я нацелился, именно тот, кого мы ищем.

– Отлично. Давайте пройдем в гостиную, здесь невероятно душно.

Тристан вытянул шею, осматривая кухню. Обнаружив плетеную корзинку с фруктами на лавке, он взял зеленое яблоко, откусил большой кусок с таким аппетитом, что прозрачный сок потек по подбородку, и направился к двери.

Адалина бросила на тесто раздосадованный взгляд – она не любила бросать незаконченные дела – и засеменила за Тристаном. Их процессию завершал Изекиль, который насвистывал мотив незнакомой ей мелодии.

В гостиной сидела Изобель и штопала свое старое платье. Судя по тому, как Изекиль подмигнул ей, а она приветливо ему улыбнулась, они были знакомы из-за службы в гильдии.

– Домеси, пожалуйста, тесто и отправь в печь, – попросила Адалина и села возле открытого окна, из которого проникал теплый ветерок с ароматом цветущей липы.

– Что ты узнал? – устроившись на диване, спросил Тристан, когда Изобель удалилась.

– Бернард Этир – выходец из деревни Оукланд, сейчас ему не больше сорока. При дворе никогда не служил, с аристократией Запада никак не связан, всю свою жизнь проработал обычным плотником.

– И ты считаешь, что именно он нам нужен? – недоверчиво хмыкнул Тристан. – С чего бы?

– Полгода назад он был в Аталасе, просил аудиенции у короля Танната. Их деревня сильно пострадала после урагана.

Адалина нахмурилась, пытаясь понять, какая может быть польза от обычного деревенского плотника, который приезжал в Аталас всего один раз.

– Не томи, Изекиль, театральными паузами будешь производить впечатление на Кристин и Флоренс, – раздраженно произнес Тристан. – Почему ты решил, что именно он нам нужен?

– Потому что об этом я узнал не из отчетов, а от писаря, который сотрудничает с гильдией. После аудиенции ему приказали уничтожить все, что указывало бы на присутствие Бернарда в Изумрудном дворце. Сведения о том, что он посещал Аталас, сохранились только в отчетах хранителей.

Адалина знала, что ко всем городским воротам были приставлены не только стражники, но и писцы – так называемые хранители. Они заносили в списки каждого, кто приходил и покидал Аталас. Списки эти хранились в архивах в королевской библиотеке. Не попасть в них можно было только посредством большой взятки недобросовестным стражникам и писцам, а таких денег у обычного плотника явно не водилось. Но почему об этом не позаботился тот, кто отдал приказ уничтожить все сведения об аудиенции? Или эту зацепку намеренно оставили для нее? И что такого могли обсуждать король и деревенский мужчина?

Адалина ничего не понимала и не разделяла мнение Изекиля, что они напали на верный след.

– И это все?

Изекиль покачал головой.

– Через три недели после аудиенции деревня Оукланд сгорела. Выживших почти не осталось.

Адалине с трудом сдержалась, чтобы не содрогнуться от услышанного. Казалось, ей за шиворот заползли змеи.

Целая деревня… Сколько это людей? Сто, двести?

– В письменных отчетах сказано, что это очередное нападение лесных дикарей, – продолжил Изекиль таким же невозмутимым тоном. – Вот только загвоздка в том, что сосед-

ние деревни не пострадали. Жестокие варвары целенаправленно пришли в Оукланд и даже не попытались разграбить другие деревни по пути? Королевский совет всем составом закрыл глаза на эту странность.

– Совсем не сложно заставить молчать обычных крестьян, стоит только немного припугнуть, – задумчиво протянул Тристан, поглаживая подбородок. – Я отказываюсь решать эту задачу на трезвую голову.

Он порывисто встал и направился к буфету, где на самом почетном и видном месте красовалась бутылка вина.

– Какие могут быть секреты у плотника и короля? – не спрашивал, а размышлял Тристан вслух. – Получается, Бернард тоже погиб? – спросил он, обращаясь к Изекилю, и протянул ему бокал. Второй бокал он передал Адалине, а сам начал пить прямо из горла.

Такая плебейская выходка покоробила Адалину. Она неодобрительно посмотрела на Тристана, когда он запрокинул голову, и кадык на его шее дернулся при глотке.

– Не думаю, – ответил Изекиль. – Во время пожара в деревне отсутствовало несколько человек. Кто-то находился в Аталасе и Дарланде, кто-то пас овец на отдаленных лугах. Я собираюсь отыскать этих людей и узнать, возвратился ли Бернард после загадочного визита в Аталас. Что-то мне подсказывает, что нет.

– Хорошо. Ищи дальше. – Тристан стер с нижней губы остатки вина и поставил почти опустевшую бутылку рядом с диваном. – Но и других Бернардов Этиров тоже проверь. Лучше перестраховаться.

Изекиль кивнул и, не спрашивая у Тристана дозволения, удалился в комнату.

Адалина почувствовала на языке горечь разочарования. Она всей душой надеялась, что загадочный Бернард Этир был важной фигурой и что за неизвестным именем прятался кто-то из знати. Кто-то, кто помог бы ей распутать клубок тайн, окутывающих ее семью. Может, все так и есть? Может быть, личина деревенского плотника – всего лишь ширма для отвода глаз?

– О чем думаешь? – спросил Тристан. Полученные сведения его ничуть не расстроили. Он переместился с дивана на подоконник и вгрызся в яблоко, которое захватил из кухни.

– Все так… – она замялась, пытаясь подобрать подходящее слово, чтобы описать свои чувства, – несуразно.

Тристан хмыкнул и, откусив в последний раз белую сочную мякоть, выбросил огрызок в окно. И это холеный принц Южного королевства, из-за которого сотни женщин пролили море слез!

– Маленькая Адалина, неужели ты всерьез думала, что найти информацию о человеке – пустяковое дело на пару часов? Тогда аристократы Великого Материка не платили бы гильдии баснословные деньги или куда более ценные богатства.

Тристан снова подошел к ней непозволительно близко и смерил снисходительным взглядом. Эти его игры никак не действовали на Адалину. Она еще при первой встрече раскусила все его уловки. Сделав шаг вперед, уничтожая всякое пространство между ними, она вздернула подбородок и с вызовом посмотрела ему в глаза.

– Во-первых, я о таком не думала. Во-вторых… – Она расправила плечи, так что ее грудь коснулась его груди. Тристан растянул губы в довольной улыбке, явно наслаждаясь их перепалкой. – Я просила не называть меня так. Я уже давно не маленькая.

Тристан склонился над ее ухом, и его волосы защекотали ее щеку.

– Говори это себе почаще, дорогуша, – прошептал он, склонив голову, но это выглядело не как учтивость, а как очередная насмешка. Потом он оставил ее в гостиной одну.

Стоило двери захлопнуться за ним, как Адалина ощутила слабость в ногах. Она прошла к дивану, подхватила бутылку, оставленную Тристаном, и допила остатки прямо из горла, наплевав на манеры. Только сейчас она в полной мере осознала, какой долгий путь ей предстоит

пройти, чтобы добраться до истины. И этот путь она преодолеет бок о бок с человеком, единственным, кому она могла довериться, но в то же время тем, кто мог ее уничтожить.

Глава 11

Еще когда Тристан носил титул принца и наместничал в землях Гринхилла, больше всего он любил возвращаться домой после долгих путешествий по континенту. В Гринкасле его всегда ждал теплый прием от верных подданных, умиротворение и покой. Но теперь хранителем тех земель Арон назначил лорда Филиппа, и Тристан больше не мог называть старый замок с поросшими мхом стенами своим домом. Хотя он понимал, что утраченный покой не смог бы вернуть даже там.

Аталас уже начал его раздражать, и Тристан, как никогда раньше, понял, почему Кристин так невзлюбила этот город. Если район Вельмож отличался красотой, чистотой и относительной безопасностью, то место, где поселился Тристан, даже с натяжкой нельзя было назвать уютным и спокойным. Шумный, людный Фортис и тот уступал в этом Аталасу.

«Осталось немного, скоро я уеду отсюда, – успокаивал себя Тристан каждый раз, когда раздражение подступало к горлу и скреблось там стальными когтями. – *Нужно только довести дело до конца».*

Престарелый лорд Ноэл заподозрил свою юную жену в неверности – и не ошибся. Шпионы Тристана разведали, с кем леди Ноэл коротает скучные дни в отсутствие мужа. Ее любовником оказался молодой портной, обшивающий всю знать Аталаса. Переодевшись в одежду простолюдинки, леди Ноэл ходила на тайные свидания в Ткацкий переулок. Более того, планировала с ним сбежать. Шпионы наконец-то узнали время и место, которое несчастные влюбленные выбрали для побега, и сейчас Тристан собирался на встречу, чтобы забрать столь важные сведения. Он натянул легкую серую тунику и повязал синий кушак – так одевались рыбаки, промышлявшие на берегу Спящей реки, которая протекала на границе Аталаса.

На улице только начало светать. Изекиль так и не вернулся, а Изобель и Адалина наверняка еще спали. Тристан тихо открыл дверь комнаты, стараясь не разбудить девушек, и уже собирался пересечь гостиную, как вдруг услышал шум. Его носа коснулся сладкий аромат печеных яблок, корицы и меда, рот тут же наполнился слюной, и Тристан, проклиная себя за слабость к сладкой выпечке, решил заглянуть на кухню. Он был уверен, что там хозяйничает Изобель, но ошибся.

За длинным деревянным столом с неровной шероховатой поверхностью возилась Адалина. Мука покрывала весь ее передник, и Тристан заметил белые следы даже на растрепанных волосах, торчавших из-под широкой повязки, и на лице. От румяного пирога исходил упоительный медовый аромат с нотками корицы, а в воздухе над ним клубился пар.

Адалина даже не заметила, что Тристан притаился у приоткрытой двери. Она сняла толстые прихватки и склонилась над пирогом, придирчиво разглядывая его, а потом улыбнулась, будто ей подарили новое роскошное платье.

– Получилось! – радостно объявила она, отщипнула кусочек горячей румяной корочки и, попробовав, улыбнулась еще шире.

Тристан не смог сдержать ответной улыбки. С каждой встречей Адалина удивляла его все больше. Много лет назад она, будучи совсем маленькой девочкой, упрекнула его в отсутствии манер. Спустя годы предстала перед ним в образе размалеванной вульгарной дуры, а потом, переодетая в служанку, ввела его в ступор прыжком с балкона. На бал-маскарад, куда женщины наряжались нимфами, феями, принцессами, Адалина перевоплотилась в ночную демонессу и, мрак ее забери, была самой красивой в бальном зале. Теперь эта самая Адалина, выпачкавшись в муке, радовалась, как ребенок, яблочному пирогу.

Тристан уже собирался бесшумно уйти, оставшись незамеченным. Выбросить из головы счастливую улыбку и манящую родинку над уголком губ, но почему-то остался. Да еще и заговорил:

– Ты всерьез задумалась принять мое предложение устроить тебя на работу в пекарню? – насмешливо спросил он, толкнув дверь и распахнув ее настежь.

Адалина едва заметно вздрогнула и подняла голову. Улыбка слетела с ее губ, но выражение лица оставалось миролюбивым.

– Будешь язвить – оставлю без пирога, – беззлобно ответила она. – А он, между прочим, очень вкусный.

– Это что же? Приглашение на чай?

Адалина пожала плечами и подошла к печи, на которой стоял чайник. Вода, судя по стучащей крышке, уже закипела. Пока Адалина заваривала чай, Тристан приблизился к столу и взял нож, чтобы разрезать пирог. Он и правда выглядел аппетитно: румяная корочка, присыпанная корицей, и пышное нежное тесто с кусочками яблок – у Адалины явно был талант к выпечке.

– Серьезно, тебе стоит податься в кухарки, – сказал Тристан с набитым ртом, когда они сидели за столом. – Повариха моего брата Рэндалла уже стара, и ей пора на покой, думаю, ты станешь достойной заменой. Брат у меня до тошноты правильный, справедливый и честный, деньгами не обидит. Будешь жить в спокойствии и достатке. Только не вздумай с ним кокетничать, у него такая ревнивая жена, выцарапает глаза – моргнуть не успеешь.

– Тебе нужно срочно возвращаться к придворной жизни, Тристан, ты совершенно разучился делать комплименты, – равнодушно отметила Адалина, изящно орудуя ножом и вилкой, в то время как он ковырял пирог ложкой.

– А твои манеры проявились только вдали от Изумрудного дворца. Помнится, в нашу первую встречу ты не могла похвастать репутацией благовоспитанной леди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.